

АНТОНЕН АРТО

ТАРАУМАРА

Annotation

Тараумара — племя индейцев, живущих на севере Мексики, в штате Чиуауа.

В 1936 году французский поэт и режиссер Антонен Арто отправился к ним, чтобы изведать «путь Сигури» — приобщиться к тайнам жрецов, использующих в своих ритуалах галлюциноген пейотль. Над книгой о своем опыте Арто начал работать в психиатрической лечебнице, в которую был заключен вскоре после возвращения из Мексики.

* * *

Вся жизнь тараумара вращается вокруг эротического ритуала пейотля. Корневище пейотля — гермафродит, оно напоминает и мужские, и женские гениталии. Тайна индейцев заключается именно в этом ритуале. Пейотль возвращает «я» к его истинным истокам. Ты больше не сомневаешься в том, кто ты такой. Индейцы тараумара живут так, словно уже умерли. Они не воспринимают реальность и черпают магические силы из презрения, которое испытывают к цивилизации.

Антонен Арто

Издание осуществлено в рамках программы «Пушкин» при поддержке Министерства иностранных дел Франции и Посольства Франции в России

Antonin Artaud Les Tarahumaras
Gallimard

-
- [Антонен Арто](#)
    - [Предисловие](#)
    - [Ритуал Пейотля у индейцев племени тараумара\[3\]](#)
    - [ПОСТСКРИПТУМ\[7\]](#)
    - [ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ТАРАУМАРА\[9\]](#)
    - [Тутугури\[19\]](#)
    - [ТРИ ТЕКСТА. О ПЛЕМЕНИ ТАРАУМАРА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В EL NACIONAL\[20\]](#)

- [ТЕКСТ, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В "VOILA"](#)
- [ДОПОЛНЕНИЕ К «ПУТЕШЕСТВИЮ В СТРАНУ ТАРАУМАРА»](#)
- [Приложение](#)
- [ПИСЬМА](#)
- [КОММЕНТАРИИ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)

- [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
  - [55](#)
-

Антонен Арто
ТАРАУМАРА

Предисловие

1935 год. Продолжая работу над «Ченчи»,^[1] Антонен Арто делает последнюю попытку внедрить тот театр, о котором он мечтает, но даже несмотря на его уступки, ни публика, ни критика, ни театральный мир не готовы принять тотальный спектакль, который он предлагает. Арто терпит провал. Тогда он решает покинуть Европу, уехать из страны, где ему не удалось найти себе место, где его идеи не нашли понимания. В начале 1936 года он отплывает в Мексику. Почему Мексика? Этот часто возникающий вопрос в сущности не имеет смысла: разве сам Арто не мотивировал свой выбор красного континента тем, что считал его местом, где под землей таятся живые следы древней культуры, способной возродиться и преобразовать саму революцию, в которой, если она будет соответствовать его предчувствиям и надеждам, он примет участие? Он хорошо знает, зачем едет в Мексику, он постоянно говорит и пишет об этом: это, просто-напросто, — невозможное. Невозможное для жизни вообще и для его жизни в частности. Нечто тайное, неожиданное, способное изменить его судьбу, подземная магическая сила, которая позволит ему «восстановить равновесие и покончить со своим несчастьем».

Ему так сильно хочется уехать, что он проявляет изрядную настойчивость, и ему удается заинтересовать чиновников во Франции и Мексике проектами, связанными с этой поездкой: сочинением трагедии о жизни Монтесу-мы, полнометражным фильмом о конкисте — планами, уже существовавшими в набросках в начале 1933 года, вместе со сценарием, который должен был послужить основой для первого спектакля Театра Жестокости — «Завоевание Мексики». Арто добился того, что Министерство народного образования поручило ему почетную миссию; он получил поддержку Министерства иностранных дел и, уже в Мексике, поддержку французского посла, который присутствовал на его лекции, посвященной послевоенному театру в Париже. Президент Мексиканской республики был информирован о его приезде, и перед Арто открылись двери Независимого Национального Университета. Это был успех, и этим успехом он был

обязан, конечно же, силе своего убеждения, страстной выразительности речи и неподражаемому тембру голоса.

Средства, которыми Арто располагает в Мексике, очень ограничены, и те же материальные проблемы, которые он надеялся оставить в Европе, одолевают его и здесь. В то время Мехико был, в сущности, провинциальным городом, мало походившим на современный мегаполис. В Мехико, как и в Париже, Арто надо было как-то обеспечить себе кусок хлеба и крышу над головой, а главное — добывать ежедневную дозу наркотика (курс лечения, который он прошел перед отъездом, результатов не дал). Оказавшись в полной нищете, Арто был вынужден искать поддержки у своих чуть более состоятельных друзей. Интеллектуальные и артистические круги мексиканской столицы горячо откликнулись на его зов. Покоренные этим сорокалетним человеком, то страдающим от лихорадки, то блистающим, то терпящим невыносимые боли, то общительным и остроумным — они готовы были прийти ему на помощь по первому зову. Кроме всего прочего, они добровольно и очень быстро переводили его статьи для ежедневной правительственной газеты *El Nacional* — главного, хоть и довольно скудного источника доходов Арто. Многие из его текстов того периода дошли до нас только на испанском языке, в переводах, порой сделанных наспех, где-нибудь за столиком в «Кафе де Пари», где друзья встречались каждый день. Спешка, вызванная желанием Арто как можно быстрее передать свой материал в газету и получить гонорар, конечно, сказывалась на качестве перевода. Но то, что эти статьи существуют, пусть даже не в оригинальном виде — все равно счастье, потому что их содержание уникально. Именно благодаря этим статьям мы узнали о деятельности Арто и его интересах в то время. Мы имеем представление о том, как он рассказывает мексиканцам об упадке, в который погрузилась Европа, о новых стремлениях французской молодежи, о надежде, которую пробудила мексиканская революция среди любознательных молодых людей, о том, как он размышляет об этой революции, которую хотел бы видеть более индейской и менее марксистской, потому что марксизм в его глазах был европейским явлением, как обращается с открытым письмом к мексиканскому правительству, и это письмо представляет собой трепетную речь в защиту вечной культуры Мексики, которая создавалась для живущих.

Эту таинственную силу жизни, ради которой он пересек океан, Арто найдет не в Мехико; чтобы ее отыскать, он отправится в те места, где красная земля Мексики продолжает говорить на родном языке. Он хочет встретиться с индейцами из племени тараумара, живущими в высокой части Сьерры, с теми, чьи ритуалы пребывают неизменными в течение веков.

Чтобы добраться туда, он прилагает огромные усилия. По-видимому, в начале апреля Министерство искусств соглашается поручить ему некую миссию, дающую возможность вести поиски на территориях, еще не тронутых цивилизацией, но только в середине августа ему удастся уехать из Мехико.

В наше время, когда в Латинской Америке не счесть воздушных мостов и обычные туристы имеют возможность посетить не тронутые цивилизацией поселения индейцев, нелегко представить себе трудности, с которыми столкнулась экспедиция в 1936 году. Чтобы добраться до северного штата Чиуауа, Антонену Арто пришлось выдержать многодневную, изнурительную поездку по железной дороге. Этот обессиленный человек, проживший полгода в Мехико практически в нищете, полуголодный и отравленный наркотиками, намеревается совершить тяжелейший подъем в горы на непривычную высоту, жизнь на которой должна стать для него совершенно новым опытом. Ему хочется подойти к пейотлю^[2] девственно-чистым, и для этого он резко отменяет прием опиума — рискованный шаг, приведший к ужасной ломке в тот самый момент, когда Арто начинает подъем верхом в сопровождении проводника-индейца, с которым он объясняется при помощи нескольких испанских слов, усвоенных за эти полгода, но главным образом — с помощью жестов, и от которого, конечно, не приходится ждать реальной помощи в те моменты, когда необходимость в приеме наркотика становится нестерпимой и вызывает такие невыносимые страдания, что Арто чувствует себя заколдованным. Таким образом, в течение двадцати восьми дней Арто «терпит страшнейшие мучения», за которыми следует — раз уж он добрался до того уголка земли, где надеется излечиться с помощью пейотля — не менее мучительное двенадцатидневное ожидание уже по воле шаманов. Наконец, кошмар заканчивается: ему позволяют испить Сигури, и хотя этот поток открыл что-то в его сознании, Арто не

уверен, является ли это растение священного ритуала тем самым таинственным бальзамом, за которым он приехал.

Он проведет еще несколько дней с индейцами тараумара и 16 сентября, в Норогачике, примет участие в ритуале заклания быка. 7 октября он снова в Чиуауа, затем возвращается в Мехико. Перед тем как отправиться в Сьерру, он обращается с просьбой о продлении визы на шесть месяцев. Виза была продлена, но, не воспользовавшись ею, 31 октября Арто выезжает во Францию. Невозможное открыто не было.

Чтобы восстановить детали его мексиканского путешествия, мы обратились к документам: переписке, статьям, опубликованным в прессе, отчетам самого Антонена Арто и архивам. Это единственное, что достоверно, ибо за истекшие полвека его приключение мло-помалу превратилось в нечто вроде легенды. Искавшие следы путешествия Арто в течение последующих пятнадцати лет не смогли их отыскать: индейцы тараумара ничего не запомнили. Но чем более ненадежной становится с течением времени память, тем лучше работает воображение латиноамериканцев, и, странным образом, всплывают воспоминания. Несколько современников Арто, доживших до нашего времени, распространяют самые причудливые рассказы, не выдерживающие никакой проверки, и самые невероятные анекдоты. Один из них описывает, как Арто жил в Мехико в борделе, другой упоминает о невероятной сцене, достойной фильма ужасов, произошедшей в курильне опиума, где агонизировал отвратительный карлик. Каждый исследователь отыскивает нового проводника, как бы порожденного самими вопросами, которые ему задаются. Так, можно прочитать невероятные рассказы индейцев, переносивших Антонена Арто через горы в портшезе — эти рассказы даже нет нужды проверять, чтобы признать чистой выдумкой. Другие авторы вообще ставят под сомнение реальность его экспедиции в Сьерру. Этим можно отослать к «Революционным манифестам» и «Тараумаре»: тот пыл, что ощущается в этих текстах, черная поэзия, бурлящая в каждой строке, сильнее любых аргументов.

Поль Тевнен

Антонен Арто родился в 1896 году. Он был актером и режиссером; кроме того, писал и рисовал. Во Франции он был

заключен в психиатрическую больницу, где провел девять лет. Умер в 1948 году; уже свободным.

Ритуал Пейотля у индейцев племени тараумара^[3]

Как я уже рассказывал, путь Сигури мне открыли жрецы Тутугури, как несколькими днями раньше *Владыка всего* открыл мне путь Тутугури. *Владыка всего* — тот, кто определяет взаимоотношения людей: дружбу, сострадание, милосердие, верность, почтительность, великодушие, труд. Его власть заканчивается там, где у нас, в Европе, начинается метафизика или теология, но в том, что касается глубин человеческого сознания, его власть простирается гораздо дальше, чем влияние любого европейского политического лидера. Ни один человек в Мексике не может пройти инициацию, то есть получить посвящение от жрецов Солнца, а также разделяющий и возрождающий удар от жрецов Сигури — а это ритуал умерщвления, — если прежде его не коснулся меч старого индейского вождя, управляющего миром и войной, Правосудием, Браком, Любовью. Кажется, что он держит в своих руках силы, приказывающие людям любить друг друга или сводящие их с ума, в то время как жрецы Тутугури призывают Дух, который создает эти силы и размещает в Бесконечности, где Душе необходимо собрать их и преобразовать в свое «я». Деятельность жрецов Солнца охватывает все аспекты души и останавливается у границ личного «я», куда приходит *Владыка всего*, чтобы забрать оттуда ее звучание. Именно туда старый мексиканский вождь нанес свой удар, чтобы заново открыть мое сознание, ибо дурные природные склонности не позволяли мне понять Солнце; и потом, иерархический порядок требует, чтобы после того, как через тебя пройдет ВСЕ, то есть множество, сама суть вещей, следует вернуться к простому Единому Целому, которое и является Тутугури или Солнцем, чтобы затем раствориться и вновь возродиться, пройдя через процедуру таинственного повторного уподобления, реассимиляции. Я говорю о малопонятной реассимиляции, которая входит в Сигури как Миф о повторном воплощении, затем уничтожении и, наконец, разложении на составные части через сито высшего отбора, и об этом не переставая кричат и твердят их жрецы во время Танца, длящегося

всю Ночь. Этот Танец не просто занимает ночь, с заката до восхода, он забирает всю ночь, сжимает ее, словно выдавливает из плода весь сок до последней капли. И некоторые свойства не в состоянии отнять даже бог;^[4] ибо бог, именно потому, что он бог, не в силах забрать у меня то, что делает меня самим собой, так как глупо было бы с его стороны отказываться от собственных намерений.

Только в воскресенье утром старый индейский вождь ударом меча между селезенкой и сердцем открыл мое сознание: «Доверься, — сказал он, — не бойся, больно не будет»; он быстро отступил на три или четыре шага и, описав в воздухе круг рукояткой меча, резко бросился вперед, ко мне, изо всех сил, будто хотел меня прикончить. Но меня коснулся лишь самый кончик меча, и на коже проступила крохотная капелька крови. Я не почувствовал ни малейшей боли, но мне показалось, что я пробудился для чего-то, чему раньше мешали врожденные дурные склонности и неверная ориентация, я почувствовал, что наполняюсь светом, которого раньше во мне никогда не было. Несколько дней спустя, ранним утром, на заре, я встретился со жрецами Тутугури и на следующий день, наконец, был допущен к Сигури.

«Переделать твою сущность без Бога, которому ты уподоблен и который создал тебя таким, как если бы ты создавал себя сам, и каким ты сам себя ежесекундно создаешь в Небытии и против Его воли».

Это — подлинные слова индейского вождя, и я лишь повторил их, не в точности то, что он мне сказал, но то, что мне удалось восстановить под действием фантастических видений Сигури.

Итак, если Жрецы Солнца ведут себя, словно они — проявления Слова Божьего или его Глагола, т. е. Иисуса-христа, то Жрецы Пейотля позволили мне присутствовать при самом Мифе Таинства, погрузиться в первобытные мифические обряды, войти с их помощью в Тайное Тайных, увидеть схему исключительных манипуляций, которыми ЧЕЛОВЕК-ОТЕЦ (а не МУЖЧИНА, и не ЖЕНЩИНА) создал всё. Конечно, вобрать в себя все это сразу я не мог, мне понадобилось некоторое время, чтобы все это осмыслить: множество танцевальных жестов, поз и фигур, которые жрецы Сигури вычерчивают в воздухе так, будто они диктуют их теням или, наоборот, извлекают из чрева ночи; при этом они сами не понимали, что делают, они просто повиновались: с одной стороны, физической привычке, а с другой —

тайным приказам, диктуемым Пейотлем, экстракт которого — чтобы достичь состояния транса уже рассчитанным способом — они приняли перед тем, как приступить к танцу. Я имею в виду, что они делают то, что велит им растение, они повторяют это, словно заученный урок, которому послушны их мускулы, но в расслаблении и сокращении собственных сухожилий они понимают не больше, чем их отцы или отцы их отцов. Да и роль сухожилий тут сильно преувеличена.

Меня это не удовлетворило, и когда Танец был закончен, я захотел узнать об этом больше. Итак, прежде чем принять участие в Ритуале Сигури, таком, как его практикуют современные индейские жрецы, я расспросил многих индейцев тараумара, живущих в горах, и провел целую ночь с одной молодой парой, поскольку муж был последователем этого ритуала и, казалось, хорошо знал его секреты. Я получил великолепные толкования и исключительно точные объяснения, каким образом Пейотль воскрешает во всех каналах моей нервной системы память о тех величайших истинах, с помощью которых — так было мне сказано — человеческое сознание вовсе не утрачивает, но, напротив, обретает способность воспринимать Бесконечность. «Не мое дело показывать тебе, в чем состоят эти истины, — сказал мне этот мужчина, — но я могу заставить их возродиться в том, что является духом твоей человеческой сущности. Дух человека, вздорный и больной, устал от Бога, и именно нам следует вернуть ему жажду Бога. Но как раз теперь само Время отказывает нам в возможности сделать это. Завтра тебе покажут, что мы еще можем сделать. И если ты хочешь участвовать в этом вместе с нами — может быть, с помощью Доброй Воли человека, пришедшего из-за моря, человека другой Расы, нам удастся преодолеть еще одно Соппротивление». СИГУРИ — индейцы очень не любят, когда это имя произносят вслух. Со мной был проводник, метис, служивший также переводчиком при общении с индейцами тараумара, и он меня предупредил, что говорить с индейцами на эту тему нужно уважительно и осторожно, потому что, по его словам, *индейцы этого боятся*. Но я понял, что если и существует какое-то чувство, которое может быть им чуждым здесь, так это именно страх, но зато это слово пробуждает у индейцев такое ощущение святости, которое европейскому сознанию уже неизвестно, и именно в этом — наше несчастье, ибо у нас человек не уважает уже ничего. И несколько

движений, которые сделал молодой индеец, как только я произнес имя СИГУРИ, открыли мне многое о возможностях человеческого сознания, сохранившего ощущение Бога. Должен признать, что от его позы действительно исходил страх, но то был не его страх: этот страх прикрывал индейца, словно щитом или накидкой. Что касается самого индейца, то он казался таким счастливым, какими бывают только в самые высокие минуты существования, его лицо озарилось от радости и преклонения. Именно так должны были выглядеть Первенцы человечества еще при рождении, когда дух Вечно существующего Человека поднимался в грохоте и пламени над развороченным миром, именно так должны были молиться скелеты из катакомб тому, о ком сказано в книгах, что на свет появляется САМ ЧЕЛОВЕК.

Молодой индеец сложил руки, его глаза засверкали, лицо окаменело и словно замкнулось. И по мере того как он приходил в себя, у меня все больше и больше создавалось впечатление, что от него исходит какое-то необычайное волнение: оно было явно написано на его лице. Два-три раза он передвигался с места на место. И каждый раз его почти замерший взгляд тоже перемещался, ища и фиксируя какую-то точку поблизости, как бы желая осознать нечто, чего следовало бояться. Я понял, чего он мог бояться — недостаточного почтения к Богу из-за какой-то небрежности. Помимо прочего, я понял еще две вещи: первая состоит в том, что индеец тараумара не придает своему телу такого значения, как мы, европейцы, и у него совсем другое понимание тела. Кажется, будто он говорит: «Это тело — совсем не я», и когда он поворачивался, чтобы сконцентрировать свое внимание на чем-то, что находится рядом, — казалось, он пристально разглядывает и изучает собственное тело. «Я — лишь тот, кем *Сигури* мне приказывает быть, и там, где приказывает быть, а ты лжешь и не повинуюешься. Ты не желаешь чувствовать то, что на самом деле ощущаю я, ты всегда даешь мне противоположные ощущения. Ты не хочешь ничего из того, чего хочу я. И то, что ты мне предлагаешь большую часть времени — это Зло. Ты для меня — только преходящее испытание и бремя. Однажды я прикажу тебе уйти, как только сам *Сигури* будет свободным, но, — сказал он, внезапно заплавав, — тебе не придется уходить целиком. Все-таки тебя создал *Сигури*, и много раз ты служило мне убежищем от бури, *ибо Сигури умер бы, если бы у него не было меня*».

Второе, что я извлек из этой молитвы, — так как все его короткие перемещения чуть вперед и в сторону, при которых я присутствовал и которые заняли гораздо меньше времени, чем мне потребовалось, чтобы их описать, были импровизированной молитвой индейца, но только с призывом имени *Сигури*, — итак, второй вещью, поразившей меня, было то, что индеец, враг собственного тела, приносил в жертву Богу и свое сознание, а привычка к Пейотлю направляла его. Чувства, которые он излучал, одно за другим отражались на его лице ***и явно принадлежали не ему***; он не присваивал их себе, не сливался больше в одно целое с тем, что для нас является личным переживанием, или, скорее, он делал это не так, как мы, — наши эмоции возникают с молниеносной быстротой, как только появляется объект, на который они направлены. Среди всех понятий и представлений, проносящихся в наших головах, всегда есть такие, которые мы принимаем, и такие, которые мы отвергаем. В тот день, когда наше «я» и наше сознание наконец сформировались, в непрерывном инкубационном движении устанавливается отчетливый ритм и естественный выбор, которые делают так, чтобы в поле нашего сознания всплывали только наши собственные представления, а остальные автоматически рассеивались. Нам, вероятно, нужно время, чтобы вписаться в наши ощущения и облечь в них собственный образ, но то, что мы считаем чем-то значимым в принципиальных вопросах, похоже на *тотем* неоспоримой грамматики, который повторяет свои термины слово в слово. И наше «я», когда к нему обращаются, реагирует всегда одинаково: как тот, кто знает, что отвечает именно он, и ни кто другой. У индейцев это не так.

Европеец никогда не согласился бы с мыслью, что все, что он почувствовал и ощутил своим телом, что эмоции, которыми он был потрясен, что странная мысль, только что пришедшая в его голову и вдохновившая его своей красотой, — что все это принадлежит не ему, что кто-то другой почувствовал и пережил все это в его собственном теле; иначе он счел бы себя безумцем, и о нем попытались бы сказать, что он — душевнобольной. Индеец тараумара, напротив, всегда знает, какие из его мыслей, чувств, поступков принадлежат ему самому, а какие — Другому. Но различие между ним и душевнобольным заключается в том, что его личное сознание выросло в процессе внутренней работы по разделению и распределению, в которой им

руководит Пейотль и которая укрепляет его волю. Кажется, он не слишком обольщается на свой счет, зато прекрасно понимает, чем он является и считает, что нам гораздо лучше было бы не знать ни себя, ни своих желаний. «В любом человеке есть древнее отражение Бога, в котором мы еще можем созерцать образ бесконечной силы, однажды забросившей нас внутрь души, а душу — в тело, и именно к образу этой Силы нас и ведет Пейотль, потому что Сигури напоминает нам о нем».

То, что я сумел высмотреть таким образом у индейца, который уже давно не принимал Пейотль, хотя был одним из последователей его Ритуалов (а ритуал Сигури — это вершина религии индейцев тараумара), вызвало у меня большое желание поближе познакомиться со всеми этими Ритуалами *и постараться получить разрешение на участие в них*. Но это было очень трудно.

Дружеское расположение, которое выказал мне молодой индеец тараумара, не побоявшийся погрузиться в молитву в нескольких шагах от меня, было уже гарантией того, что некоторые двери передо мной откроются. К тому же, как он сказал, от меня ждут помощи, а это означало, что мой допуск к Ритуалу Сигури зависел и от того, готов ли я что-то предпринять, преодолевая препятствия, которые мексиканское правительство Мексики воздвигло на пути индейцев тараумара, совершающих свои Ритуалы. «Мексиканское» — поскольку это правительство проиндейское, и среди тех, кто поддерживает его, больше краснокожих, чем белых. Но они неравны, и практически все их представители в горах — полукровки, которые считают верования Древних Мексиканцев опасными. Современное правительство Мексики основало в горах школы для туземцев, где индейских детей обучают по программам, скопированным с программ французских муниципальных школ, и министр народного образования Мексики, у которого французский министр получил для меня пропуск, поселил меня в помещении такой туземной школы для индейцев тараумара. Таким образом я познакомился с директором этой школы, обязанностью которого было, ко всему прочему, наблюдать за порядком на всей территории, где живут тараумара, и в его подчинении находился кавалерийский эскадрон. Еще не было сделано никаких распоряжений, а я уже знал, что стоит вопрос о запрещении предстоящего вскоре праздника Пейотля. Помимо этого великого

Праздника Племени, в котором участвует весь народ тараумара и который всегда происходит в точно фиксированное время, как у нас — Рождество, у тараумара есть еще несколько особых Ритуалов. И они согласились показать мне один из них. Как есть у нас Пасха, Вознесение, Успение и Непорочное Зачатие, так и в религии тараумара существуют другие праздники, но все они не имеют отношения к Пейотлю, а Великий Праздник *Сигури*, как я понимаю, происходит только один раз в году. Именно тогда Пейотль принимают в соответствии с тысячелетним традиционным ритуалом. Пейотль принимают и во время других праздников, но только как вспомогательное средство, и в этом случае никто не заботится о том, чтобы были выверены дозы и производимый ими эффект. Я говорю, что его принимают, хотя точнее было бы сказать, что его принимали, потому что правительство в Мехико сделало все возможное и невозможное, чтобы отобрать Пейотль у индейцев тараумара и помешать им предаваться его воздействию, а солдаты, направленные правительством в горы, получили распоряжение всячески противодействовать выращиванию Пейотля. Когда я приехал в горы, индейцы тараумара пребывали в отчаянии после недавнего уничтожения целого поля Пейотля правительственными отрядами.

По этому поводу у меня был долгий разговор с директором туземной школы, где я жил. Это был живой, иногда — трудный и утомительный, и временами даже неприятный разговор. Директор туземной школы для индейцев тараумара, метис, был озабочен не культурой или религией, а собственным пенисом, служащим ему каждую ночь для обладания школьной учительницей, такой же полукровкой. Но правительство Мехико положило в основу своей программы возвращение к индейской культуре, и директор-метис туземной школы все-таки испытывал отвращение к идее пролития индейской крови.

— СИГУРИ, — сказал я ему, — это не растение, это человек, которому вы оторвали член, взрывая поля Пейотля. И за этот изуродованный красный член, который распевает: «зеленое, белое, сиреневое», все захотят предьявить вам счет. И они уже готовы к этому.

Проезжая через несколько деревень, где живут индейцы, я видел, как разрастается дух возмущения среди народа тараумара при

появлении окровавленного члена. Директор туземной школы знал это, но колебался в выборе средств для того, чтобы успокоить индейцев.

— Единственное средство, — сказал я, — это постараться завоевать их сердца. Они никогда не простят вам этого разрушения, но каким-нибудь противоположным действием покажите им, что вы — не враги Бога. Вас тут — только горсточка, и если они решатся на бунт, вы будете вынуждены объявить им войну, но даже ваше оружие не поможет вам. У Жрецов Сигури найдется достаточно укрытий, до которых вам никогда не добраться. Вы разжигаете гражданскую войну, и чем это будет в контексте возвращения Мексики в лоно индейской культуры? Впредь нужно разрешить этот праздник, если вы хотите, чтобы индейцы тараумара остались с вами, и, кроме того, племенам надо дать возможность объединиться, чтобы они почувствовали ваше расположение.

— Но, приняв Пейотль, они перестают повиноваться.

— От Пейотля это зависит не больше, чем от любого человеческого проявления. Это великолепное, магнетическое и алхимическое снадобье, при условии, что знаешь, как его принимать, то есть определенными дозами и с постепенным переходом. Его нельзя принимать не вовремя и без четкой цели. Если после принятия Пейотля индейцы теряют разум, то только потому, что они злоупотребляют, доходя до той степени необузданного опьянения, когда душа уже не подчиняется ничему. Поступая так, они перестают подчиняться не вам, а самому *Сигури*, потому что Сигури — Бог Предвосхищения Справедливости, равновесия и контроля над собой. Кто **правильно** выпил Сигури, отмерив верную дозу — ЧЕЛОВЕК, а не неопределенный ПРИЗРАК, — тот знает истинное положение вещей и не может больше потерять разум, потому что в его жилах сам Бог, и Он руководит им изнутри.

Пить Сигури — как раз и означает не превышать дозы, ибо Сигури — это Бесконечность, а тайна терапевтического воздействия лекарств связана с пропорциями, в соответствии с которыми наш организм их принимает. Превышать необходимое — значит РАЗРУШАТЬ действие.

В священных преданиях племени тараумара говорится о том, что если к Богу приблизиться слишком быстро, он тотчас исчезает, а на его место приходит Злой Дух.

— Завтра вечером вы познакомитесь с семьей Жрецов Сигури, — сказал мне директор туземной школы. — Скажите им то, что вы только что сказали мне, и я уверен, что мы и в этот раз — может быть, даже больше, чем в предыдущий, — добьемся того, чтобы прием Пейотля был регламентирован, и заодно скажите им, что этот Праздник будет разрешен и что мы сделаем все возможное, чтобы дать им возможность собираться, и для этого обеспечим их лошадьми и продуктами, которые им понадобятся.

Итак, вечером следующего дня я отправился в маленькую индейскую деревушку, где мне обещали показать Ритуал Пейотля. Он происходил глубокой ночью. Жрец явился с двумя помощниками, мужчиной и женщиной, и двумя детьми. Он очертил на земле нечто вроде большого полукруга, внутри которого должны были действовать помощники, и закрыл этот полукруг толстым бревном, на которое велели сесть мне. Справа дуга завершалась каким-то отдельно очерченным закутком в форме восьмерки, и я понял, что для Жреца эта часть представляет собой Святилище. Слева была Пустота, и именно там находились дети. В Святилище поставили старую деревянную миску с корнями Пейотля, потому что для своих особых Ритуалов Жрецы не используют все растение целиком — во всяком случае, больше не используют.

Жрец держал в руках посох, дети — небольшие палки. Пейотль принимается после определенного числа танцевальных движений, когда его адепты в процессе религиозного Ритуала получают знак, что Сигури захотел войти в них.

Я заметил, что помощникам было трудно приступить к действию, и создавалось впечатление, что они не стали бы танцевать или танцевали бы плохо, если бы не знали, что в нужный момент Сигури войдет в них. Ритуал Сигури — это Ритуал творения, который объясняет, каким образом все находилось в пустоте, а пустота — в бесконечности, и каким образом они вышли оттуда в Реальность и были созданы. Ритуал заканчивается в тот момент, когда, повинувшись воле Божьей, они забирают Жизнь из тела. Вот что танцевали помощники, но дело не обошлось без долгого спора.

— Мы не сможем понимать Бога, пока он не коснется нашей души, иначе наш танец будет просто притворством, ПРИЗРАКОМ, —

кричали они, — ПРИЗРАК, который преследует СИГУРИ, снова возродится здесь.

Жрец долго не мог решиться, но, в конце концов, достал спрятанный за пазухой мешочек и насыпал в ладони индейцев какой-то мелкий белый порошок, который они незамедлительно проглотили.

После чего вновь начали танцевать. Глядя на их лица в тот момент, когда они принимали растолченный в порошок Пейотль, я понял, что сейчас мне покажут нечто такое, чего я никогда раньше не видел. И я сконцентрировал внимание, чтобы не упустить ничего из того, что мне предстояло увидеть.

Помощники пригнулись к земле и стали похожи на два неодушевленных шара, стоящих друг против друга. Но старый Жрец, должно быть, тоже принял Пейотль, потому что в выражении его лица вдруг проявилось что-то нечеловеческое. Я увидел, как он потянулся и выпрямился во весь рост. Его глаза засверкали, и от него стала исходить необычная властная сила. Он несколько раз ударил посохом по земле, затем вошел в восьмерку, начерченную справа от Ритуального Поля. Кажется, в этот момент помощники, наконец, вышли из состояния неодушевленных шаров. Сначала мужчина потряс головой и ударил ладонями по земле. Спина женщины покачнулася. Тогда Жрец сплюнул, но это была не слюна, а выдох. Он шумно выбросил воздух сквозь зубы. И, под действием этого легочного сотрясения, мужчина и женщина мгновенно ожили и встали во весь рост. Однако, увидев, как они стоят лицом к лицу, особенно, как они — каждый — держатся в пространстве, словно помещены в карманы пустоты и разрезы бесконечности вдруг понимаешь, что это уже не просто мужчина и женщина, но два начала: мужское — открытый рот, щелкающие челюсти, красные, пылающие, кровоточащие десны, словно развороченные корнями зубов, вид которых заставляет повиноваться; и женское — беззубая личинка, со сточенными напильником коренными зубами, словно крыса в крысоловке, изнуренная течкой, бегаёт кругами перед грубым самцом; они намеревались столкнуться, неистово погрузиться один в другого, как все те, что сначала долго смотрят друг на друга, потом сражаются и, наконец, смешиваются перед *нескромным и виноватым* взглядом Бога, которого их действия должны понемногу оттеснить. «Ибо Сигури, —

говорят они, — был *ЧЕЛОВЕКОМ*, ЧЕЛОВЕКОМ, который в космосе *сотворил СЕБЯ САМОГО* из СЕБЯ САМОГО, когда Бог его убил».

Это все, что произошло.

Но больше всего меня поразила их манера угрожать друг другу, убежать, сталкиваться, чтобы, в конце концов, согласно идти рядом. Главным было то, что эти начала находились не в телах, они не достигали, не касались тел, они упрямо оставались в виде двух нематериальных представлений, подвешенных за пределами Бытия, изначально этому Бытию противопоставленные, и эти начала создавали себе *свое собственное тело*, тело, где понятие материи улетучилось с помощью СИГУРИ. Глядя на них, я смутно вспоминал все, что мне говорили в Мехико знакомые поэты, преподаватели и художники всех направлений об индейской религии и культуре, и то, что я прочитал во всех предоставленных мне там книгах о метафизических традициях и преданиях мексиканцев.

— Злой Дух, — говорили Посвященные Жрецы Сигури, — никогда не мог и не хотел верить в то, что Бог — это не просто Бытие, доступное и исключительное, что в непостижимой сущности Бога присутствует нечто, помимо этого Бытия.

Это было именно то, что мне показывал Танец Пейотля.

Ибо я считал, что вижу в этом Танце большую точку всеобщего бессознательного. И это — вне Бога. Правой рукой Жрец прикасался то к своей селезенке, то к печени, и при этом стучал по земле посохом, который держал в левой руке. Каждому его прикосновению на заднем плане отвечала поза мужчины и женщины, то отчаянным и высокомерным согласием, то яростным отрицанием. Но когда Жрец взял посох сразу двумя руками и начал стучать по земле в более быстром темпе, они принялись ритмично приближаться друг к другу, отставив локти в стороны и соединив руки так, что те образовали два треугольника, которые пришли в движение. В то же самое время их ноги вычерчивали на земле круги и еще какие-то фигуры, напоминающие части цифр и букв — S, U, J, V. Цифры сводились в основном к форме восьмерки. Раз или два они не сходились, но пересекались, точно приветствуя друг друга. На третий раз их приветствие было более определенным. На четвертый — они взяли за руки, вместе сделали полный оборот, и, казалось, ноги мужчины ищут на земле места, куда ступали ноги женщины.

Они сходились так восемь раз. И, начиная с четвертого, их ожившие лица засияли. На восьмой раз они посмотрели в сторону Жреца, который стоял с властным и грозным видом на границе Святылища, там, где все встречается с Севером. Посохом он рисовал в воздухе огромную восьмерку. Но крик, который он испустил в тот же момент, вполне мог вновь *вызвать страшные предсмертные родовые муки, отягощенные запоздалым раскаянием в грехах*, описанные в найденной на раскопках в Юкатане древней поэме майя; вряд ли я когда-либо слышал что-то более звучное и раскатистое, указывающее, до каких глубин опускает человека Желание извлечь из мрака свое предвидение. И мне показалось, что я вновь вижу в бесконечности и как бы во сне, как именно Бог породил Жизнь. Этот крик Жреца был словно нужен для того, чтобы поддержать след посоха в воздухе. Не переставая кричать, Жрец перемещался, рисовал в воздухе всем своим телом, а ногами — все ту же восьмерку на земле, пока не замкнул ее со стороны Юга.

Танец подходил к концу. Дети, все это время сидевшие слева от круга, спросили, могут ли они уйти, и Жрец посохом сделал им знак, повелевающий рассеяться и исчезнуть. Но никто из детей не принимал Пейотля. Они изобразили что-то, напоминающее движения танца, потом отступили в сторону и исчезли — вероятно, вернулись домой.

* * *

В начале этого рассказа я уже говорил, что всего этого мне было недостаточно. Я хотел знать о Пейотле больше. Я подошел к Жрецу, чтобы расспросить его.

— Наш последний Праздник, — сказал он, — не смог состояться. Мы в отчаянии. Мы теперь принимаем Сигури не только во время Ритуала, это стало пороком. Скоро весь наш народ будет болен. Время слишком состарилось для Бытия. Оно не может больше выдержать нас. Что делать, что с нами станет?

Наши люди больше не любят Бога. Я — жрец, и я не могу не чувствовать этого. Ты видишь — я совсем отчаялся.

Я передал ему наш разговор с директором местной школы и сказал, что их следующий большой праздник на этот раз состоится.

Я сказал ему также, что приехал к индейцам тараумара не из любопытства, но чтобы отыскать истину, которая скрывается от европейцев и которую сохранил его Народ. Он проникся доверием ко мне и рассказал удивительные вещи о том, что такое Добро и что такое Зло, что такое Истина и что такое Жизнь.

— Все, что я говорю, идет от *Сигури*, — сказал он. — Это *Сигури* научил меня всему. Вещи не таковы, какими мы их видим и ощущаем большую часть времени, но таковы, как нас учит *Сигури*. Они уже давно захвачены Злом, Злым Духом, и без *Сигури* человек не сможет вернуться к Истине. В начале они были настоящими, но чем больше мы стареем, тем фальшивей становятся они, потому что Зло все ближе подходит к ним. В начале мир был совершенно реальным, он звенел в человеческом сердце и звенел вместе с ним. Теперь его нет больше в сердце и нет в душе, потому что оттуда ушел Бог. Видеть вещи — это видеть Бесконечность. Сейчас, когда я смотрю на свет, мне трудно думать о Боге. Однако это именно он, *Сигури*, создал все это. Но зло — во всех вещах, и я, человек, не могу больше чувствовать себя чистым. Во мне есть что-то ужасное, что поднимается и идет не из меня, темнота, которая внутри меня, там, где душа человека не знает, где начинается его «Я» и где оно заканчивается, и что его заставило стать таким, каким он себя видит. И об этом мне говорит *Сигури*. С Ним я не знаю больше обмана и не смешиваю *то, что действительно в человеке желаемо*, с тем, что по злему умыслу притворилось таковым. И вскоре все, что останется, — произнес он, чуть отступая, — это непристойная маска, ухмыляющаяся среди спермы и дерьма.

Приведенные мной слова Жреца абсолютно достоверны; они показались мне слишком значительными и прекрасными, чтобы я позволил себе что-либо изменить, и если это и не те самые слова буквально, по смыслу они практически не отличаются от сказанного им, ибо понятно, что это поразило меня и мои воспоминания остались чрезвычайно точными. Впрочем, я повторяю, он только что принял Пейотль, и меня не удивила ясность его ума.

После нашей беседы он спросил, не пожелаю ли я отведать Сигури и таким образом приблизиться к истине, которую ищу.

Я ответил, что это — мое самое сокровенное желание, и я не думаю, что без помощи Пейотля можно достичь всего, что ускользает, и от чего время и обстоятельства удаляют нас все больше и больше.

В левую ладонь он насыпал мне горсточку порошка, объемом с зеленый орех миндаля:

— Достаточно, чтобы увидеть Бога два-три раза, так как Бог не всегда хочет быть узнанным. Чтобы почувствовать его присутствие, следует, по меньшей мере, трижды оказаться под влиянием Сигури, но каждый раз доза не должна быть больше горошины.

Итак, я остался еще на пару дней у тараумара, чтобы лучше узнать Пейотль, и потребовался бы толстый том, чтобы передать все, что я увидел и переживал, находясь под влиянием Пейотля, а также все то, что Жрец, его помощники и их родственники рассказали мне. То, что мне привиделось, Жрец и его семья назвали *подлинным*, это видение имело отношение к тому, что должно было быть *Сигури*, и что является Богом. Но этого нельзя достигнуть, пока не пройдешь через страдания и душевную боль, после чего чувствуешь себя словно вывернутым и *перенесенным* по другую сторону всего и больше не понимаешь мир, который только что покинул.

Я сказал: *перенесенным* по другую сторону — как если бы ужасная сила позволила вам *возвратиться* к тому, что существует по другую сторону. Больше не чувствуешь тела, которое только что покинул и которое поддерживало тебя в своих границах, зато чувствуешь себя гораздо счастливее, ибо принадлежишь не самому себе, а безграничности, и понимаешь, что бывшее тобой пришло из головы этой самой безграничности, Бесконечности, и что сейчас именно ее и предстоит увидеть. Чувствуешь себя внутри газообразной волны, где раздаются непрекращающиеся потрескивания, разряды, окружая тебя со всех сторон. То, что вышло из тебя, то, что было твоей селезенкой, печенью, сердцем или легкими, неустанно очищается и вспыхивает в этой неопределенной среде, похожей одновременно и на воду, и на газ; кажется, что бесконечность призывает к себе органы и заставляет их собраться вместе.

То, что выходило из моей селезенки или печени, имело форму букв древнего тайного алфавита, пережеванного огромным ртом, ужасно отталкивающим, надменным, *нечетким*, дорожащим своей невидимостью; и эти знаки были размечены во все стороны пространства, в то время как мне казалось, что я поднимаюсь вверх, но не один. Мне помогает неведомая сила. Но я ощущаю себя свободнее, чем на земле, когда я был один.

В какой-то момент поднялось что-то вроде ветра — и границы пространства раздвинулись. С той стороны, где была моя селезенка, образовался огромный пустой провал, который окрашивался в серые и розовые тона, словно морской берег. И в глубине этого провала появились очертания застрявшего корня, похожего на J, на верхушке которого, кажется, были три приподнятые ветви буквы E, грустной и сверкающей, как глаз. Языки пламени вырывались из левого уха буквы J и, проходя позади нее, казалось, сдвигали все вправо, в ту сторону, где находится моя печень, но значительно выше нее. Больше я ничего не увидел, все исчезло, или я сам заставил это исчезнуть, вернувшись к обычной реальности. Во всяком случае, кажется, я увидел сам Дух Сигури. И я полагаю, что это должно объективно соответствовать трансцендентальному представлению, живописующему последние и высочайшие реальности, и Мистики должны пройти через подобные состояния и образы, перед тем как достичь, следуя формуле, высших катаклизмов и разрушений, после которых они попадают в объятия Господа, как цыпочки — в лапы своего сутенера.

Это навело меня на некоторые размышления о воздействии Пейотля на психику.^[5]

Пейотль возвращает «я» к его истинным истокам. После того как ты вышел из состояния подобного видения, невозможно, как прежде, смешивать ложь с истиной. Ты видишь, откуда идешь и кто ты, больше не сомневаешься в том, кто ты такой. И больше не существует ни чувства, ни внешнего влияния, которые способны заставить тебя отвлечься.

И вся серия похотливых оптических миражей, показанных бессознательным, не может больше стеснять истинное дыхание ЧЕЛОВЕКА, по той простой причине, что Пейотль — это и есть ЧЕЛОВЕК, но не рожденный, а *ПРИРОДНЫЙ*, и вместе с ним оживает, поднимается и находит опору атавистическое и личное сознание. Оно знает, что для него хорошо, а что — ничего не стоит: следовательно, распознаёт мысли и чувства, которые может принять без опаски и *с пользой*, — а также те, которые пагубны для его свободы.

И, что особенно важно, оно знает, куда стремится его существо и куда оно еще не пришло, или **КУДА ОНО НЕ ИМЕЕТ ПРАВА ИДТИ**,

ЧТОБЫ НЕ УТОНУТЬ В ИРРЕАЛЬНОСТИ, ИЛЛЮЗОРНОСТИ, В
НЕСОТВОРЕННОМ, НЕПОДГОТОВЛЕННОМ.

Пейотль никогда не позволит вам принять свои грезы за реальность. Или смешивать восприятия, заимствованные в исчезающих низинах, еще не возделанных, еще не зрелых, еще не поднявшихся из галлюцинирующего бессознательного — с образами, эмоциями настоящего. Ибо в сознании есть нечто сказочное, Чудесное, с которым можно выйти за пределы. И Пейотль говорит нам, где и в результате какой необычайной кристаллизации вдохновения, подавляемого и *забитого* по привычке, доставшейся нам от предков, Фантастическое может обрести форму, чтобы обновить в сознании свои фосфоресценции, свое облако пыли в лучах света. Это Фантастическое — благородно, его беспорядок — только кажущийся; в реальности он подчиняется тайно выстроенному порядку на том плане, которого нормальное сознание не достигает, но достичь которого нам поможет *Сигури*, и который является самой тайной любой поэзии. Но в человеке скрыт и другой план — сумрачный, бесформенный, он окружает сознание, становясь то неосвещенным его продолжением, то угрозой ему, в зависимости от обстоятельств. И он освобождает, выпускает на волю рискованные ощущения. Его бесстыдные миражи болезненно влияют на сознание. Оно открывает им свою душу и полностью растворяется там, если нет ничего, что могло бы его удержать. И Пейотль — единственная преграда Злу с той ужасной стороны.

У меня тоже возникали ложные чувства и ощущения, которым я поверил. В июне, июле, августе и вплоть до этого сентября я был уверен, что окружен демонами: мне казалось, что я их ощущаю, вижу, как они собираются вокруг меня. Я не нашел лучшего способа прогнать их, как то и дело совершать крестные знамения на разных местах своего тела или в воздухе, где, как мне казалось, я видел их. Я писал тогда на любом клочке бумаги и даже на книгах, попадавшихся мне под руку, всевозможные заклинания, которые ничего не стоят ни с литературной точки зрения, ни с магической, т. к. все, что написано в этом состоянии — не более чем осадок, искажение, или, скорее, подделка под высокий свет ЖИЗНИ. В конце сентября эти болезненные идеи, эти ложные мысли, эти навязчивые ощущения, ничего не стоящие сами по себе, начали исчезать, и в октябре их практически не

стало. С 15 или 20 ноября я чувствовал, что ко мне возвращаются энергия и ясность мысли. И, наконец, я ощутил, что мое сознание освободилось. Никаких ложных чувств. Никаких больных, дурных ощущений. Теперь, изо дня в день, во мне медленно, но неуклонно поднимается только чувство безопасности и внутренней уверенности.

Если в эти последние месяцы мне и случается делать какие-то жесты, характерные для больных *с религиозными маниями*, то это не более чем остатки досадных привычек, которые я приобрел, занимаясь изучением ерундовых верований. Так море, отступая, оставляет на песке смешанный осадок, который вскоре развеют ветра. Уже несколько недель я изо всех сил стараюсь избавиться от этих маленьких остатков. И замечаю, что с каждым днем их становится все меньше.

Итак, жрецы Пейотля в Мексике помогли мне увидеть одну вещь, которую открыла в моем сознании та маленькая доза Пейотля, которую я принял. В человеческой печени совершается тайная алхимия, и с ее помощью «я» любого индивидуума выбирает то, что ему подходит, принимает или отбрасывает ощущения, эмоции, желания, которые предоставляет ему сознание и которые составляют его порывы, желания и восприятия, его истинные верования и *его идеи*. Именно там наше «Я» становится сознательным, раскрывается сила его суждений и присущая ему высочайшая способность различать. Потому что именно там трудится *Сигури*, отделяя то, что существует, от того, что не существует. По-видимому, печень — органический фильтр *Бессознательного*.

Похожие метафизические понятия я нашел у древних китайцев. По их учению, печень — фильтр бессознательного, а селезенка — физический гарант бесконечности. Впрочем, это другая тема.

Но для того чтобы печень могла выполнять свои функции, необходимо, по меньшей мере, чтобы тело хорошо питалось.

Человека, запертого в течение шести лет в лечебнице для душевнобольных и три года не евшего досыта, нельзя корить за *скрытое* ослабление его Воли. Мне месяцами случалось оставаться без единого кусочка сахара или шоколада. Что касается масла, то уже и не помню, когда я его пробовал в последний раз.

Я всегда встаю из-за стола голодный, потому что, как вам известно, рацион сильно урезан.

В особенности не хватает хлеба. До того кусочка шоколада, который мне дали позавчера, в пятницу, я не видел его восемь месяцев. Я не из тех людей, которые позволяют себе уклониться от выполнения своего долга по какой-либо причине, но пусть меня хотя бы не упрекают за то, что у меня нет сил в такое время, как наше, когда в выдаваемом нам питании отсутствуют необходимые элементы для восстановления сил. И пусть меня больше не подвергают электрошоку после обмороков, ибо понятно, что обмороки не мешают мне все прекрасно осознавать, чувствовать и контролировать. Довольно, довольно, довольно этого наказания травмой.

Каждое применение электрошока погружает меня в состояние ужаса, которое длится по нескольку часов. Я с отчаянием ожидал приближения очередной процедуры, т. к. знал, что опять потеряю сознание и буду целый день задыхаться внутри самого себя, не узнавая себя, прекрасно зная, что я был где-то, но черт знает где, точно я уже умер.

Мы пока далеки от исцеления Пейотлем. Судя по тому, что я видел, Пейотль *укрепляет* сознание и не дает ему сбиться с пути, довериться ложным впечатлениям. Мексиканские Жрецы показали на печени точное место, где *Сигури*, или Пейотль, производит это обобщающее сгущение, которое жестко удерживает в сознании ощущение и желание истины и дает сознанию возможность освободиться, автоматически отбрасывая остальное. «Спереди это похоже на возвращающийся с мрачного ритуала скелет, — сказали мне тараумара, — или на НОЧЬ, ИДУЩУЮ ПОСЛЕ НОЧИ»^[6]

ПОСТСКРИПТУМ^[7]

«Ритуал Пейотля» был написан в Родезе в первый год моего пребывания в этом приюте, после семи лет заключения, из которых три года я провел в одиночной камере, где меня систематически и ежедневно отравляли. Эта работа представляет собой мою первую попытку прийти в себя после изоляции и отчуждения от всего. *Затравленный*, незаконно лишенный свободы и травмированный человек делится своими воспоминаниями перед смертью. Это объяснит вам, почему текст бывает невнятным. Добавлю, что этот текст был написан в состоянии умственного отупения обращенного в чуждую ему веру, которого чары духовенства, воспользовавшегося его минутной слабостью, держали в состоянии зависимости.

Иври-сюр-Сен, 10 марта 1947 г.

Я написал «Ритуал Пейотля» в состоянии^[8] обращения в другую веру, когда в моем теле уже были сто пятьдесят или двести свежих облаток, этим и вызван мой бред тут и там по поводу распятия и креста Иисуса Христа.

Ибо нет ничего, что кажется мне сейчас более ужасным и пагубным, чем слоистый знак ограничения крестом, ничего более порнографического, чем распятие, отвратительное сексуальное воплощение всех ложных загадок психики, всех телесных отбросов, проникших в разум, как будто миру нечем заняться и поэтому он служит материалом для ребуса, и его самые непристойные движения во время магической мастурбации высвобождают заключенную под стражу энергию.

Париж, 23 марта 1947 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ТАРАУМАРА [9]

Меченая гора [10]

Местность, где обитает племя тараумара, изобилует различными знаками, образованиями, имеющими различные формы, естественными изображениями, которые совсем не кажутся появившимися здесь случайно: словно боги, чье присутствие ощущается тут повсюду, пожелали заявить свои права и могущество этими странными автографами, в которых так или иначе неотступно повторяется образ человека.

Конечно, на земле нет недостатка в местах, где Природа, побуждаемая неким разумным капризом, создала формы, похожие на человеческие фигуры. Но здесь другой случай: ибо здесь Природа *пожелала говорить* на всем *географическом пространстве, занимаемом одним племенем.*

И странно еще то, что все, кто здесь проходит, словно пораженные чем-то вроде безотчетного паралича, закрывают свои чувства, чтобы ничего не замечать. Когда Природа, по странному капризу, показывает вдруг на скале тело человека, которого подвергают пыткам, сперва кажется, что это не более чем каприз и что этот каприз ничего не означает. Но когда во время долгого верхового перехода те же самые искусные изображения повторяются и *сама Природа настойчиво представляет одну и ту же идею*, когда те же самые волнующие формы появляются вновь и вновь, когда на скалах вдруг видишь головы известных богов и открывается тема смерти, где жертвой постоянно является человек — и форме четвертованного человека соответствуют формы *менее непонятные*, очищенные от каменных обломков — формы богов, которые все еще его истязают; когда вся местность разворачивает в камне свою философию, параллельную философии людей; когда известно, что первые люди использовали язык знаков и теперь обнаруживают этот чудовищно увеличенный

язык на скалах; — конечно, уже невозможно думать, что это каприз, и что этот каприз ничего не означает.

Если большинство представителей племени тараумара являются туземцами, коренным населением, и если, как они утверждают, они упали с неба прямо среди гор Сьерры, можно сказать, что они упали на *уже подготовленную почву*. И здешняя Природа захотела думать по-человечески. Она *подвергла эволюции* людей, и точно так же она *подвергла эволюции* скалы.

Обнаженный человек был прикован к скале: я видел, как его пытали какие-то фигуры, менявшиеся в солнечных лучах, но я не понимаю, с помощью какого оптического чуда фигура человека внизу оставалась совершенно целой, при том же самом освещении.

Не могу сказать, откуда исходило беспокойство — от горы или от меня самого, но я видел, как подобное оптическое чудо, пока я ехал через горы, являлось взгляду по меньшей мере раз в день.

Возможно, я родился с истерзанным телом, таким же искусственным, как огромная гора, но телом, наваждения которого можно контролировать, и в горах я заметил, что они превращаются в *навязчивую идею считать*. Не было ни одной тени, которую бы я не сосчитал, когда чувствовал, как она окутывает что-нибудь; и часто, подсчитывая тени, я поднимался к странным средоточиям.

Я видел в горе обнаженного человека, склонившегося к огромному окну. Его голова представляла собой просто большую дыру, нечто вроде круглой впадины, в которой по очереди, в зависимости от времени суток, появлялись то солнце, то луна. Его правая рука была вытянута как перекладина, а левая, тоже похожая на перекладину, была окутана тенью и согнута.

Можно было сосчитать ребра, по семь с каждой стороны. А на месте пупка сверкал блестящий треугольник, но из чего он был? Я не знаю наверняка. Как будто сама Природа выбрала эту часть горы, чтобы обнажить свои скрытые кремни.

Итак, хотя его голова и была пуста, изломы скал вокруг придавали ему вполне определенное выражение, которое менялось из-за игры света в разное время дня.

Эта правая рука, вытянутая вперед и как бы окаймлявшая полосу света, указывала необычное направление... И я высматривал, что она нам предвещает!

Еще не наступил полдень, когда я встретил это видение: я был верхом и быстро продвигался вперед. Однако я сообразил, что тут дело не в скульптурных формах, а в явной игре света, который *накладывается* на рельеф скал.

Это изображение известно индейцам; оно привлекло меня своей композицией, своей структурой, подчиненное тому же принципу, которому подчиняется вся эта гора, усыпанная каменными обломками. На продолжении линии, указанной рукой, была деревня, окруженная скалами.

И я увидел, что все эти скалы имели формы женского бюста — на каждой из них выделялись две прекрасно очерченные груди.

Я увидел, как восемь раз повторяется одна и та же скала, которая отбрасывает на землю две тени; я дважды увидел одну и ту же голову зверя, несущего в пасти свое изображение и пожирающего его; и я увидел, что над деревней возвышается огромный зубец фаллической формы, с тремя камнями наверху и четырьмя отверстиями сбоку; и я увидел, как, начиная с основания, все эти формы понемногу обретают реальность.

Мне показалось, что повсюду можно прочесть историю зарождения в битве, историю творения и хаоса, со всеми этими телами богов, которые были сложены так же, как люди, и этими расколотыми человеческими изображениями. Ни одной неповрежденной формы, ни одного тела, которое не казалось бы вышедшим из недавней резни, ни одной группы, где я не смог бы прочесть борьбу, которая ее раскалывала.

Я находил изображения людей тонущих, наполовину поглощенных камнем, а на более высоких скалах — других людей, которые старались их оттолкнуть. В другом месте огромная статуя Смерти держала на ладони маленького ребенка.

В Каббале^[11] существует музыка чисел, и эта музыка, которая сводит материальный хаос к его основам, объясняет, посредством некой грандиозной математики, каким образом Природа устроена, как она управляет рождением форм, которые извлекает из хаоса. И все, что я видел, словно бы подчинялось числу.

Статуи, различные формы и тени давали числа 3, 4, 7, 8, возникавшие вновь и вновь. Расколотые женские бюсты давали число восемь; у фаллического зубца, о котором я говорил, три камня и

четыре отверстия; рассеявшихся форм насчитывалось двенадцать, и т. д. Скажу еще раз:^[12] говорят, что это естественные формы, пусть так; но неестественно их повторение. И что еще менее естественно, так это то, что эти формы своих земель племя тараумара повторяет в ритуалах и танцах. И сами эти танцы появились не случайно, они повинуются той же тайной математике, той же тонкой, неуловимой игре Чисел, которой подчинены все горы Сьерры.

Итак, эту обитаемую Сьерру, которая подсказывает метафизическую мысль в своих скалах, племя тараумара засеяло знаками и отметинами, отметинами вполне сознательными, разумными и согласованными.

На всех поворотах дороги видны деревья, *умышленно* спаленные в форме креста или в форме каких-либо существ, и часто их двое, и они противостоят друг другу, как бы для того, чтобы продемонстрировать исконную *двойственность* вещей; и эта двойственность доведена до сути в отметине, имеющей форму Н, заключенной в окружность, — знак, который явился мне выжженным раскаленным железом на большой сосне; на других деревьях были изображены копья, трилистники, листья аканта, окруженные крестами; тут и там, во впадинах или в узких расселинах, стиснутых скалами, замечаешь, как изменяются линии Т-образного египетского креста, увенчанного петлей; на дверях домов индейцев тараумара виден знак народа Майя: два треугольника, углы которых соединены перекладиной, а эта перекладина является Древом Жизни, проходящим сквозь центр Реальности.

Так, пока я пересекал горы, все эти копья, кресты, трилистники, сердца среди густой листвы, сложные кресты, треугольники, существа, глядящие друг на друга и противостоящие друг другу, олицетворяя свою вечную борьбу, разделенность, двойственность — все это пробуждало во мне странные воспоминания. Я вдруг вспоминал,^[13] что истории известны секты, которые вырезали на скалах те же самые знаки, члены этих сект носили эти изображения на себе — выточенными из нефрита, отчеканенными или вырезанными на металле. И я стал думать, что этот символизм таит в себе Знание. И мне показалось странным, что примитивный народ тараумара, чьи ритуалы и образ мышления старше Потопа, смог уже обладать этим

знанием задолго до того, как появилась Легенда о Святом Граале, задолго до того, как образовалось общество розенкрейцеров.^[14]

Танец Пейотля^[15]

Физическое воздействие все еще ощущалось. Мое тело представляло собой сущий катаклизм... После двадцати восьми дней ожидания я еще не пришел в себя; точнее сказать; еще не *вышел* в себя. В себя, в эту распавшуюся на части смесь, этот кусок поврежденного геологического пласта.

Неподвижный, какой бывает земля со своими скалами и всеми этими ящерицами, которые бегают по смятым осадочным пластам. Да, конечно, я был хрупок, и не отчасти, а целиком. Уже с момента моего первого знакомства с этой ужасной горой я был уверен, что она выставила против меня преграды, чтобы помешать мне войти. И сверхъестественное, с тех пор, как я побывал там, наверху, мне больше не казалось чем-то таким уж необыкновенным, чтобы я не смог сказать, что я был — в буквальном смысле слова — *околдован*.

Сделать шаг — для меня теперь не просто сделать шаг, но почувствовать, *куда* я несу голову. Это понятно? Члены мои повиновались, один за другим, и перемещались вперед, один за другим; и еще надо было удерживать себя в вертикальном положении, над землей. Ибо в голове шторм, она уже не контролирует свои вихри и круговороты, голова ощущает все эти вихри и круговороты земли там, внизу, они сводят ее с ума и мешают ей держаться прямо.

Двадцать восемь дней этого тяжелейшего воздействия я был просто грудой плохо собранных органов, которым я, как мне казалось, помогаю, словно посреди бескрайних льдов, на грани распада.

Итак, воздействие все-таки было, и такое чудовищное, что для того, чтобы пройти от дома индейца к дереву, стоящему в нескольких шагах, мне понадобилось не просто мужество, мне пришлось призвать на помощь все резервы воли действительно *отчаявшегося* человека. Стоило ли забираться так далеко, чтобы на пороге долгожданной встречи и этой местности, где я надеялся получить столько откровений, ощутить себя таким потеряннным, брошенным, развенчанным? Знал ли я когда-нибудь радость, есть ли на свете

другие ощущения, кроме тоски или беспощадной безнадежности; бывал ли я когда-нибудь в другом состоянии, кроме этого состояния ползущей боли, преследующей меня каждую ночь? Есть ли хоть что-то для меня, не стоящее на пороге гибели, и можно ли отыскать хоть одно тело, единственное человеческое тело, что избегло бы этого непрерывного распятия?

Конечно, мне необходима воля, чтобы, поверить: нечто произойдет. А зачем все это? Ради танца, ради ритуала затерянного племени индейцев, которые уже сами не знают, кто они, откуда они пришли, и когда их спрашивают, отвечают сказками, связь с которыми и тайну которых они потеряли.

Повторяю, после таких жестоких тягот уже невозможно думать, что я не был действительно околдован, что эти барьеры распада и катаклизмов, подъем которых я чувствовал в себе, не были результатом умной и согласованной преднамеренности; я добрался до одной из последних точек мира, где еще существует танец, исцеляющий с помощью Пейотля — во всяком случае, в ту точку мира, где этот танец был рожден. И что же, какое ложное предчувствие, какая иллюзорная и обманчивая интуиция позволяли мне дожидаться тут какого-то освобождения моего тела и, что важнее, ка-кой-то силы, какого-то озарения во всю ширь моего внутреннего ландшафта, который я ощущал в эту минуту вне каких бы то ни было пределов измерения? Эта необъяснимая мука началась двадцать восемь дней назад. И двенадцать дней я находился в этом укромном уголке земли, под прикрытием огромной горы, в ожидании доброй воли моих колдунов.

Почему всякий раз, вот как теперь, когда я прикасаюсь к важнейшему периоду своего существования, я оказываюсь там не всем своим существом? Откуда это ужасное ощущение потери, упущенного выигрыша, несостоявшегося события? Конечно, я увижу, как колдуны будут исполнять свой танец; но какую пользу получу я от этого ритуала? Я их увижу. Мне воздастся за мое долготерпение, которого до сих пор ничто не смогло поколебать. Ничто: ни ужасная дорога, ни путешествие по ней этого тела — разумного, но напрочь рассогласованного, которое надо тащить волоком, чуть ли не убить, чтобы не дать ему взбунтоваться; ни природа с ее внезапными бурями, опутывающая нас сетью гроз; ни эта долгая ночь, пронизанная судорогами, когда я увидел, что молодой индеец во сне с каким-то

враждебным исступлением чешет себе как раз те места, которые у меня стиснуты спазмами, и он, человек, познакомившийся со мной только лишь накануне, сказал: «Ах, пусть придет к нему все зло, которое только сможет прийти».

Я знал, что Пейотль создан не для белых. Нужно было любой ценой помешать мне излечиться с помощью этого ритуала, предназначенного для воздействия на саму природу духов. А белый для этих краснокожих людей — это как раз тот, кого духи покинули. И если я получу пользу от этого ритуала, столько же потеряют они, в меру их понимания существа духа.

Столько же потеряют и духи. Стольких духов уже нельзя будет использовать.

И потом, существует еще проблема Тестино, алкогольного напитка, который должен восемь дней бродить в кувшинах — а кувшинов не хватает, да и недостаточно людей, готовых толочь маис.

После того как алкогольный напиток выпит, колдуны Пейотля теряют силу, и нужно начинать всю подготовку сначала. Между тем, когда я приехал в деревню, один человек из этого племени умер, и было важно, чтобы ритуал, жрецы, алкоголь, кресты, зеркала, рапы, глиняные кувшины и прочее диковинное снаряжение для танца Пейотля было обращено в его пользу, в пользу того, кто умер. Ибо после его смерти его двойник не мог ждать, пока будут рассеяны эти злые духи.

И после двадцати восьми дней ожидания мне надо было еще вынести невероятную комедию, продолжавшуюся целую неделю. Прямо в горах состоялась нелепая замена доверенных лиц, которых предполагалось отправить к колдунам. Но когда доверенные лица ушли, неожиданно объявились сами колдуны, удивляясь, что ничего не приготовлено. И я понял, что меня обманули.

Они отвели меня к жрецам, которые излечивают сном и которые говорят после того, как увидят сон. «Жрецы Сигури, то есть танца Пейотля, нехорошие, — сказали мне. — От них не будет толку. Возьмите этих». И они подтолкнули ко мне стариков, которые вдруг согнулись пополам, заставив странным образом брнчать амулеты, спрятанные под одеждой. Я понял, что имею дело с фокусниками, а не с колдунами. Впрочем, я узнал, что эти фальшивые жрецы были близкими друзьями смерти.

В один прекрасный день это бурление успокоилось без криков, без споров, без новых обещаний с моей стороны. Как если бы все это было составной частью ритуала и игра продлилась достаточно.

Конечно, я забрался в горы к индейцам тараумара не в поисках изящных сувениров.

Мне казалось, что я уже достаточно настрадался, чтобы мне воздали хоть малой толикой реальности.

Однако когда день стал клониться к вечеру, перед моими глазами возникло некое видение.

Передо мной было Рождество Иеронима Босха, правильно расположенное и ориентированное, со старым навесом перед хлевом из расшатанных досок, с пламенем Ребенка-Царя, горевшим слева, между животными, с фермами тут и там, пастухами; на первом плане были другие животные, которые блеяли; а справа — танцоры-короли. Короли с зеркальными коронами на головах и пурпурными прямоугольными мантиями на плечах — по правую руку от меня на картине, как Волхвы Иеронима Босха.^[16] И вдруг, когда я оглянулся, до последней минуты сомневаясь, что я наконец увижу, как придут мои колдуны, я заметил, что они спускаются с гор, опираясь на длинные посохи, в сопровождении жен — с большими корзинами; помощники несли кресты пучками, как метелки или ветки деревьев, а зеркала сверкали, точно просветы неба между всем этим снаряжением — крестами, пиками, лопатами и стволами деревьев без ветвей. Все сгибались под тяжестью этого необычного снаряжения, и жены колдунов, как и их мужья, опирались на длинные посохи, которые были на голову выше их самих.

Костры поднимались к небу со всех сторон. А внизу уже начались танцы; и перед этой красотой, наконец-то осуществленной, этой красотой сияющего воображения, подобной голосам в освещенном подземелье, я почувствовал, что мои усилия не напрасны.

Наверху, на склонах огромной горы, которые ступенями спускались к деревне, был вычерчен круг. Женщины, стоявшие на коленях перед своими каменными чашами, растирали Пейотль грубо, но тщательно. Помощники принялись утапывать круг. Они его утапывали добросовестно и во всех направлениях; затем разожгли в середине круга костер — его раздул ветер, спустившийся вихрем с вершины.

Днем были убиты два козленка. И теперь, на одном из стволов с ветками, обрубленными так, что получился крест, я увидел легкие и сердца животных, раскачивающиеся под порывами ночного ветра.

Другой ствол, также с обрубленными ветками, стоял рядом с первым, и огонь, зажженный в середине круга, то и дело покрывал его бесчисленными отблесками — что-то вроде пожара, на который смотришь сквозь несколько толстых стекол. Я приблизился, чтобы определить природу этого очага, и заметил невероятное сплетение колокольчиков, часть из которых была сделана из серебра, а часть — из рога. Они были привязаны кожаными ремнями и тоже ждали своего момента, чтобы принять участие в ритуале.

С той стороны, откуда встает солнце, индейцы воткнули в землю десять крестов различной величины, но расставили их симметрично; к каждому кресту они прикрепили зеркало.

Двадцать восемь дней кошмарного ожидания после опаснейшего отказа от наркотиков, наконец-то завершились в этом круге, населенном Сущностями, представленными здесь десятью крестами.

Десять, Числом десять, как Невидимые Хозяева Пейотля в Сьерре. И среди этих десяти: Мужское Начало Природы, которое индейцы называют Святой Игнатий, и его женская половина — Святой Николай!

Этот круг будто обведен запретной зоной: туда не отважится войти ни один индеец.

Рассказывают, что птицы, случайно залетевшие в этот круг, падают, а беременные женщины чувствуют, как разлагается в них плод.

История мира присутствует в круге этого танца, ограниченного двумя солнцами: тем, которое опускается, и тем, которое встает. И только когда солнце опускается, в круг входят колдуны, и танцор с шестьюстами колокольчиками (тремястами роговыми и тремястами серебряными) испускает крик лесного койота.

Танцор входит и выходит, однако не покидает круг. Он непринужденно движется внутри боли. Он погружается в нее с какой-то устрашающей отвагой, в ритме, который, поверх танца, словно рисует Болезнь. И кажется, будто он то показывается на поверхности, то исчезает в движении, которое заклинает неизвестно какие темные силы. Он входит и выходит: *«выходит из дня, в первой главе»*, как

сказано о Двойнике Человека в «Египетской Книге Мертвых». Поскольку это движение вперед по болезни — путешествие, *спуск, чтобы СНОВА ВЫЙТИ В ДЕНЬ*. Он кружится на месте в направлении лучей Свастики, всегда справа налево, сверху вниз.

Он подпрыгивает со всем своим грузом колокольчиков, словно с роем обезумевших пчел, склеенных друг с другом вперемешку, в потрескивающем и бурном беспорядке.

Десять крестов в круге и десять зеркал. Одно бревно, на котором — три колдуна. Четыре помощника (двое Мужчин и две Женщины). Танцор-эпилептик и я сам, для которого проходит этот ритуал.

У ног каждого колдуна *одна* ямка, в глубине которой Мужское и Женское Природы, представленные гермафродитными корневищами Пейотля (известно, что они походят на очертания и мужских, и женских гениталий), спят в Материи, то есть в Конкретном.

И эта ямка, с деревянным или глиняным тазом, опрокинутым над ней сверху, вполне убедительно изображает Мировую Сферу. На верхней части этого опрокинутого таза колдуны растирают смесь или расчленяют два принципа, две основы, и они растирают их в Абстрактном, то есть в Основе. В то время как внизу — оба эти принципа, уже воплощенные, отдыхают в Материи, т. е. в Конкретном.

И в течение всей ночи колдуны восстанавливают утраченные связи, жестами выписывая треугольники, которые странным образом обрезают воздушные перспективы.

Между *двумя* солнцами *двенадцать* времен и *двенадцать* периодов. И движение вокруг всего, что копошится около костра, в священных пределах круга: танцор, рапы, колдуны.

После каждой фазы танца колдуны проводят испытания физического воздействия ритуала, эффективность своих манипуляций. Торжественные, церемонные, в жреческих облачениях, они сидят в ряд на своем бревне, покачивая рапы, словно младенцев. Из какой идеи какого забытого церемониала пришло к ним значение этих легких покачиваний, этих низких поклонов, этого движения по кругу, когда они считают шаги, крестятся перед огнем, приветствуют друг друга и выходят?

Итак, они поднимаются, совершают поклоны, о которых я говорил, одни — как инвалиды на костылях, другие — как сломанные автоматы. Они перешагивают границу круга. Но вот, выйдя из круга,

буквально в метре от него, эти жрецы, ходившие между двумя солнцами, вдруг снова становятся людьми, т. е. низменными организмами, которым надо очиститься, ритуал подводит их к этому. Они, эти жрецы, ведут себя как землекопы, как чернорабочие, созданные для того, чтобы мочиться и опорожняться так, словно вынули затычку из бочки. Они мочатся, пускают газы и испражняются с ужасным грохотом; слыша это, можно подумать, что они бросают вызов настоящему грому, хотят унижить его, сравнив со *своей низкой потребностью*.

Из трех колдунов, которые были тут, двое, поменьше ростом и комплекцией, получили право держать в руках рапу только три года назад (ибо право пользоваться рапой надо заслужить: на этом-то праве и зиждется весь аристократизм касты колдунов Пейотля у индейцев племени тараумара); третий колдун пользуется этим правом уже десять лет. Он был старшим в ритуале и, должен сказать, он лучше всех писал, да и пукал гораздо энергичнее и громче всех.

И он же, преисполненный гордости за этот способ грубого очищения желудка, несколькими минутами позже начал плевать. Он стал плевать после того, как вместе со всеми нами выпил Пейотль. Поскольку двенадцать фаз танца были закончены и вот-вот должна была заняться заря, нам передали растертый Пейотль, похожий на густую похлебку; перед каждым из нас была выкопана новая ямка, чтобы собирать наши плевки, которые после принятия Пейотля становились священными.

«Плюй, — сказал мне танцор, — но постарайся попасть на самое дно ямки, если получится, потому что ни одна частица *Сигури* не должна больше появиться на поверхности».

Старший колдун во всем своем снаряжении выдал самый обильный плевок с огромным сгустком соплей. И все другие колдуны и танцор, собравшись в кругу, выразили ему свое восхищение.

Отплевавшись, я провалился в сон. Танцор не переставая ходил передо мной туда и обратно, кружась и выкрикивая «*Великоленно!*», потому что он понял, что этот крик мне нравится.

«Поднимайся, человек, поднимайся», — вопил он при каждом повороте, все более и более бесполезном.

Меня разбудили и, шатающегося, для окончательного выздоровления подвели к кресту, где колдуны заставляли рапу

вибрировать прямо на голове пациента.

Затем я принял участие в ритуале воды, ударах по черепу — взаимное излечение такого рода практикуется здесь — и в преобильных омовениях.

Они произносили надо мной странные слова, обрызгивая меня водой, потом стали нервно обрызгивать друг друга, т. к. смесь маисовой водки и Пейотля начала действовать.

И этими последними жестами танец Пейотля закончился.

Суть танца Пейотля заключается в рапе — деревяшке, вымоченной нужное время и впитавшей тайные соли земли. Именно в этой длинной и изогнутой палочке содержится целительное действие ритуала, такое сложное, такое недоступное, что его надо преследовать, словно дичь в лесу.

В возвышенной части мексиканской Сьерры, говорят, есть уголок, где эти рапы водятся в изобилии. Они дремлют, поджидая, когда их обнаружит Предопределенный Человек и заставит их *выйти в день*.

Когда колдун тараумара умирает, ему гораздо труднее расстаться со своей рапой, чем со своим телом; а его потомки и все его близкие уносят рапу и хоронят ее в священном уголке леса.

Индеец тараумара, ощутивший в себе призвание к тому, чтобы научиться обращаться с рапой и исцелять, в течение трех лет на время Пасхи уходит в лес и проводит там одну неделю.

Говорят, что именно там Невидимый Хозяин Пейотля беседует с ним вместе со своими девятью помощниками, и что он передает ему секрет. И индеец выходит оттуда с рапой, уже надлежащим образом вымоченной.

Срезанная в лесу на теплых землях, серая, как железная руда, она по всей длине покрыта зарубками, а на обоих ее концах нанесены знаки — четыре треугольника с одной точкой для Мужского Начала и с двумя точками — для Женского Начала обожествленной Природы.

На рапе столько зарубок, сколько лет было колдуну, когда он получил право манипулировать ею и стал мастером, который может применять против злых духов заклинания, разделяющие Элементы на четыре части.

Но именно в эту область таинственной традиции мне и не удалось проникнуть. Похоже, колдуны Пейотля и впрямь чем-то овладевают за те три года, что они ходят в лес.

Тут есть тайна, которую колдуны тараумара ревниво хранят до сих пор. О том, что они еще приобрели, что они, можно сказать, *открыли для себя*, ни один индеец тараумара, не входящий в аристократию племени, похоже, не имеет ни малейшего понятия. А что касается самих колдунов, то они в этом отношении абсолютно немые.

Что же это за особое слово, забытый пароль, передает им Хозяин Пейотля? И почему им необходимо три года, чтобы достичь умения обращаться с рапой, и это обращение, следует заметить, забавно напоминает врачебную *аускультацию*.

Что же все-таки они вытягивают у леса, и что лес *так медленно им выдает?*

Что, наконец, происходит с ними такого, что не содержится в видимых инструментах ритуала, и что ни бурывающие слух крики танцора, ни его танец, неизменно возвращающийся к началу, словно неуравновешенный маятник, ни круг, ни костер внутри круга, ни кресты с зеркалами, в которых порой отражаются искаженные головы колдунов, чтобы тут же исчезнуть в пламени костра, ни говор ночного ветра, который дует на зеркала, ни песня колдунов, укачивающих свои рапы, эта удивительно нежная и беззащитная песня, — не способны объяснить?

Они уложили меня прямо на землю, у комля огромного ствола, на котором восседали все три колдуна в промежутках между танцами.

Я был уложен внизу, так, чтобы на меня падал ритуал и чтобы огонь, песни, крики, танец и сама ночь, как оживший, очеловеченный свод, кружились надо мной. И так, был этот грохочущий свод, эта материальная составляющая, крики, различные звуки, интонации, шаги, песни. Но надо всем этим, поверх всего этого — такое впечатление постоянно возникало — что за всем этим, и вдобавок ко всему этому, и поверх всего этого скрывалось еще кое-что: *Сущность*.

Я не стал отказываться сразу от всех этих опасных разъединений, которые, кажется, вызывает Пейотль, и которых я двадцать лет добивался другими способами; это не я взгромоздил на лошадь свое выпотрошенное тело, и канитель, которой я доверился, лишила меня с тех пор моих основных рефлексов; не я был тем каменным человеком, которому потребовались два помощника, чтобы посадить его верхом: и его сажали на лошадь и снимали с нее, словно испорченный автомат, — и когда я сидел на лошади, мне вкладывали в руки поводья,

а потом зажимали вокруг них мои пальцы, потому что, оставшись один, я, очевидно, утратил бы свободу; я не смог победить силой духа эту непобедимую органическую вражду, где именно *я сам* не хотел больше идти, чтобы привезти обратно устаревшую коллекцию картинок, из которых Эпоха, верная системе, извлекла бы, самое большее, идеи для афиш и модели для портных. Отныне нужно, чтобы нечто спрятанное за этим тягостным раздроблением, уравнивающим рассвет и ночь, было извлечено наружу, чтобы оно *служило*, и чтобы служило именно *моим распятием*.

Я знаю, что к этому была непоправимо привязана моя физическая судьба. Я был готов ко всем ожогам, я ждал первых плодов огня в преддверии разрушительного пожара, который вскоре охватит всё.

Письмо, адресованное Анри Паризо^[17]

Родез, 7 сентября 1945 г.

Дорогой Анри Паризо!

Не менее трех недель назад я написал вам два письма, чтобы вы опубликовали «Путешествие в страну Тараумара», присоединив к нему письмо, которым следует заменить приложение к путешествию,^[18] где я имел глупость заявить, что обратился к Иисусу Христу, в то время как Христос — это то, к чему я всегда питал отвращение, и мое обращение было всего-навсего результатом страшного затмения, которое вынудило меня забыть собственную природу и заставило меня здесь, в Родезе, во имя причастия глотать ужасное количество облаток, предназначенных, чтобы удерживать меня как можно дольше, а, если удастся, то и бесконечно, в состоянии, которое мне чуждо. Его суть состоит в том, чтобы подняться на небо в образе духа, вместо того, чтобы спускаться все глубже и глубже в преисподнюю тела, то есть в сексуальность, являющуюся душой жизни. В то время как Христос уносит бытие в эмпирей облаков и газов, где он расточается вот уже целую вечность. Вознесение так называемого иисуса-христа 2000 лет назад было лишь подъемом по нескончаемой вертикали, где однажды он перестал существовать и где все, что было им, снова упало в половые органы людей, как основа всякого либидо. Подобно Иисусу-

христу есть еще некто, который никогда не спускался на землю, поскольку человек слишком мелок для него, а оставался в безднах бесконечности, сродни так называемой божественной имманентности, и который безустанно, точно Будда, погруженный в созерцание, ждал, пока СУЩЕСТВО станет достаточно совершенным, чтобы спуститься и обосноваться в его теле, что по сути — низкий расчет труса и лентяя, который не захотел быть страдающим существом, любым существом, но заставил его страдать через другого, чтобы затем изгнать этого другого, этого страдальца, и отправить его в ад, когда этот одержимый страданием превратит сущность своего страдания в рай, подготовленный для смеси лени и мерзости, именуемой богом и Иисусом-христом. Я — один из этих страдальцев, я — тот главный страдалец, к которому бог, как он заявляет, спустится, когда я умру, но у меня три дочери, которые тоже страдают, и я надеюсь, что вы тоже страдалец в душе, мсье Анри Паризо, так как рядом с богом и Христом есть еще и ангелы, которые, как и он, претендуют на сознание каждого рожденного существа, в то время как сами считают себя нерожденными. Должен вам сказать, что я отправился к индейцам тараумара искать не Иисуса-христа, а себя самого, господина Антонена Арто, родившегося 4 сентября 1896 года в Марселе, в доме номер 4 по улице Жарден-де-Плант, из матки, с которой я не имел ничего общего уже тогда, да и до моего рождения, потому что это не так рождаются — когда 9 месяцев в узилище с тобой совокупляется и мастурбирует тебя мембрана, сияющая мембрана, которая пожирает без зубов, как говорится в УПАНИШАДАХ, и я знаю, что был рожден иначе, своими произведениями, а не матерью, но МАТЬ захотела меня забрать, и вы видите, к чему это привело в моей жизни. Я рожден только своим страданием, и вы смогли бы сделать то же самое, господин Анри Паризо. И надо полагать, что matka считает это страдание благом, уже 49 лет прошло с тех пор, как matka захотела вобрать в себя страдание ради себя самой и насладиться им, не прикрываясь материнством. И Иисус-христос рожден одной из матерей, которая тоже хотела принять меня за него, причем задолго до начала времен и сотворения мира, и я отправился в горы Мексики только для того, чтобы избавиться от Иисуса-христа, как я рассчитываю отправиться однажды в Тибет, чтобы полностью освободить себя от бога-отца и его святого духа. Вы поедете со мной?

Опубликуйте это письмо вместо дополнения, а дополнение,
пожалуйста, мне верните.

С любовью — *Антонен Арто*.

Тутугури [19]

Созданный прославить солнце, *Тутугури* — черный ритуал.

Он — Ритуал черной ночи и *вечной* смерти солнца.

Нет, солнце больше не вернется, и все шесть крестов круга, которые должна пересечь звезда, существуют лишь для того, чтобы преградить ей путь.

Ибо недостаточно знают, вообще не знают здесь, в Европе, до какой степени крест является черным знаком, недостаточно знают «слюнное могущество креста» и до какой степени крест является извержением слюны, нанесенной на слова, выражающие мысль.

В Мексике крест и солнце ходят парой, и взлетающее солнце присутствует в этой изменяющейся фразе, которая кладет шесть времен на то, чтобы добраться до дня,

крест — мерзкий знак, и надо, чтобы материя горела,
почему мерзкий,

потому что язык, который слюнявит знак, — мерзкий,
а почему он слюнявит знак?

Чтобы его помазать.

Нет ничего святого или священного без помазания.

А не становится ли язык в момент помазания остроконечным?

не размещается ли он меж четырех стран света?

Так, значит, нужно, чтобы появляющееся солнце проходило шесть точек мерзкой фразы, чтобы спастись, а затем обернуться молнией.

Потому что солнце поднимается точно в уровень с крестами, как шаровая молния, о которой известно, что она не простит? Не простит чего?

Греха одного человека и целой деревни, и именно по этой причине уже за несколько недель до ритуала видишь, как очищается, одевается в чистую белую одежду и умывается все племя тараумара,

И вот, наконец, наступает День Ритуала и сверкающего явления.

Именно тогда укладываются на землю шесть мужчин в белых одеждах, шестеро, которых считают самыми чистыми в племени.

И считается, что каждый обвенчан с крестом.

Одним из тех крестов, что представляют собой две палки, перевязанные грязной веревкой.

Седьмой человек стоит и держит на себе крест, притороченный к бедру, в руках у него странный музыкальный инструмент из деревянных пластинок, положенных одна на другую,

которые издают звук — нечто среднее между ударом колокола и пушечным выстрелом.

И однажды на рассвете седьмой Тутугури начинает танец, ударяя по одной из пластинок черной чугушной колотушкой.

И тут мы видим, как мужчины с крестами, появившиеся словно из-под земли, подпрыгивая проходят вперед и образуют круг, и каждый из них должен семь раз обойти вокруг своего креста, не нарушая общего круга.

Я не знаю, то ли действительно поднимается ветер, то ли ветер возникает от этой старинной музыки, которая звучит до сих пор, но ощущение такое, словно по тебе хлещут порывы ночи, дыхание, поднявшееся из склепов сгинувшего народа, пришедшего сюда, чтобы явить свое лицо, нарисованное лицо, насмехающийся и беспощадный лик.

Беспощадный, потому что правосудие, которое он несет, не от мира сего,

Будь чистым и праведным, кажется, говорит он.

И будь невинным.

Или я приоткрою для тебя свою геенну.

И геенна приоткрывается.

Цимбалы седьмого Тутугури причиняют острую боль: это кратер вулкана во время извержения.

Кажется, пластинки сейчас разлетятся от этих звуков, как лес под топором фантастического лесоруба.

И вдруг происходит то, чего ждали: сернистые пары в виде лилии струей вырываются в каком-то месте внутри круга, очерченного людьми, который замкнут шестью крестами, а следом — пламя, огромное пламя вдруг разгорается,

и это огромное пламя *гудит*.

Оно гудит *неслыханно* громко. Внутри этого пламени полно звезд, раскаленных частиц — словно восходящее солнце ведет за собой всю небесную систему.

И вот солнце занимает свое место.

Оно разместилось в центре небесной системы. Оно оказалось словно в центре грандиозного взрыва.

Потому что горящие частицы, словно солдаты воюющей армии, вспыхивая, бросались друг на друга.

Тогда солнце стало круглым. И мы увидели огненный шар прямо на пути настоящего солнца, потому что начала подниматься заря, переходя с одного креста на другой.

Шесть человек раскрыли объятия, но не для того, чтобы изобразить кресты: они вытянули руки вперед, словно хотели принять этот огненный шар, а тот, делая оборот вокруг каждого креста, воткнутого в землю, словно все время уклонялся.

Ибо цимбалы — это ветер, они стали территорией ветра, где могла бы передвигаться целая армия. На самом деле.

И вот, у границ шума и небытия, ибо этот шум так силен, что вызывает впереди себя только небытие, так вот, там возникает мощный топот. Ритм, отбиваемый армией на марше, или галоп — от безумного бремени.

Огненный шар сжигает шесть крестов; шестеро людей с протянутыми вперед руками видят, как все это происходит, все шестеро — измучены и раздражены.

Усиливается топот скачки.

На горизонте различимы кресты, словно убегающая лошадь несетя вперед с обнаженным всадником на спине, потому что число отбиваемого ритма — 7. Однако крестов всего шесть.

А в деревянных цимбалах седьмого Тутугури всегда преддверие небытия,

всегда эта интродукция небытия:

это пустое время,

какое-то пустое время,

нечто вроде пустоты, расходящейся между пластинками срезанного дерева,

небытия, которое призывает человеческий торс,

человеческое тело, собранное из частей в ярости (нет: в рвении)

того, что изнутри.

Там, где из-под небытия пробирается гул больших колоколов, несомый ветром, разрывы морских пушек, рев волн в бурю и шторм;

короче говоря, несется лошадь, неся на себе тело человека,
голового человека, который потрясает — нет, не крестом, но палкой
из железного дерева, привязанной к огромной лошадиной подкове,
куда целиком проходит его тело,
его тело, рассеченное кровавым шрамом,
и лошадиная подкова,
словно челюсти клячи,
которую человек воспринимает как собственный кровавый шрам.
Иври-сюр-Сен, 16 февраля 1948 года

ТРИ ТЕКСТА. О ПЛЕМЕНИ ТАРАУМАРА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В EL NACIONAL [\[20\]](#)

Страна волхвов [\[21\]](#)

Мне доводилось слышать, что не в Италии, а в Мексике художники еще до эпохи Возрождения стали применять синий цвет в своих пейзажах и сумели отодвинуть далеко вглубь тот фон, на котором они изображали, к примеру, Рождество.

В стране тараумара самые невероятные легенды предоставляют доказательства своей реальности. Когда оказываешься в этой стране и видишь богов на вершинах гор, богов с укороченной левой рукой и с пустотой на месте правой, богов, склонившихся вправо, и, нагнувшись, слышишь, как поднимается к твоим ногам грохот водопада, а над водопадом — ветер, который перелетает с вершины на вершину, и когда поднимаешься так высоко, что вокруг видишь огромное пространство, где нет ничего, кроме вершин, — ты уже не сомневаешься, что добрался до одного из нервных сплетений земли, где жизнь продемонстрировала свои первые проявления, первые результаты.

Итальянские художники еще до эпохи Возрождения были посвящены в тайное знание, которым современная наука все еще не располагает в полной мере, а искусство Древности уже использовало это знание.

Синева отодвинутого в глубину фона с высокими мексиканскими горами притягивает к себе точные формы и идеи, она словно заставляет разум вспомнить то Знание, с которым связано **ВМЕШАТЕЛЬСТВО ТРЕХ ВОЛХВОВ!!!**

Совсем не из религиозных побуждений художники Пьеро де ля Франческа, Лука Лейденский, Фра Анжелико, Пьеро ди Козимо, Мантенья столько раз писали Рождество. Их влекло извечное беспокойство о Главном, поиск секретов жизни, и вот из этой

одержимости Великих Умов вопросами «как» и «почему», из основ и первобытных всплесков Природы проявилась *Языческая легенда о Рождестве*.

И если Религия потом захватила все эти основы, а народы имели слабость отвернуться от Основ и начали поклоняться религии — тем хуже для отупевших и фанатичных народов, но отнюдь не хуже для Основ. В горах, где живет племя тараумара, все говорит о Главном, т. е. об основах, в согласии с которыми сформировалась Природа, и здесь все живет только этими основами: Люди, грозы, ветер, тишина, солнце.

Мы далеки от воинственности и цивилизованности современного мира, но не «воинственного, хотя и цивилизованного», а воинственного, *потому что цивилизованного*: так думают люди племени тараумара. Их легенды или, скорее, *их Предания* (здесь нет легенд, т. е. обманчивых басен, здесь есть Предания, они кажутся невероятными, но ученые изыскания понемногу доказывают их реальность), так вот, эти Предания говорят о переходе в племя тараумара одной из рас Людей, носителей огня, у них были три Повелителя или три Короля, и направлялись они к Полярной Звезде.

Нам известны Титаны Науки — Ньютон, Дарвин, Кеплер, Лавуазье и т. д., Великие люди Цивилизации, если смотреть с точки зрения морали и общества — Один, Рама, Фо-Хи, Лао-Цзы, Заратустра, Конфуций; и мне кажется, что легенда о трех волхвах скрывает переход по географической линии от великой Солнечной Традиции, по всем точкам, где *Научный* Культ Солнца расставил свои пирамиды и математически точно ориентированные алтари, это был переход трех Просветителей, посвященных в знание высшей, трансцендентной астрономии, законы которой были сопоставимы с законами астрономии народа майя.

Когда знаешь, что астрономический культ солнца повсеместно выражается знаками и что эти знаки — те же самые, что в античном Знании, и столь же исчерпывающие, которые нелепый язык Европы назвал ВСЕМИРНЫМ ЭЗОТЕРИЗМОМ; и эти знаки — египетский крест, Свастика, Двойной крест, большой круг с точкой в центре, два противостоящих треугольника, три точки, четыре треугольника, соответствующие четырем сторонам света, двенадцать знаков зодиака, и т. д., и т. д. — встречаются в несметном количестве как на Востоке,

так и в Мексике, на стенах храмов и в древних манускриптах, но нигде *в Природе* я не видел их в таком количестве, как в горах тараумара; — когда знаешь все это и вдруг оказываешься в стране, буквально усеянной этими знаками, которые встречаешь в жестах и ритуалах племени, и эти же знаки видишь вышитыми на одеждах людей, чувствуешь такое волнение, словно приблизился к источнику тайны.

Но если ко всему прочему подумать о том, что Сьерра Тараумара — место, где нашли первые скелеты людей гигантского роста, и в то самое время, когда я пишу эти строки, продолжают их находить, тогда все легенды сбрасывают свои сказочные образы и становятся реальностью. С одной из реальностей, которая придерживалась своих сверхчеловеческих, может быть, но естественных законов, Возрождение XVI века порвало: Гуманизм Возрождения был не возвеличиванием человека, а его уменьшением, поскольку Человек перестал подниматься к природе, а начал низводить природу к своему собственному росту, и взгляд на человека как на нечто исключительное стал причиной того, что человек вообще утратил все Естественное.

Именно тогда астрономическое знание природы, по которому жизнь вращается вокруг солнца, стало тайной; но в этот магический натурализм, одинаковый повсюду, традиция которого без остановки проходила с востока на запад, были посвящены примитивисты Флоренции, Ассизи, Комо и т. д.

В своих полотнах, посвященных Рождеству и Волхвам, эти художники выразили тайну жизни, и выразили как дети своего времени, когда Искусство служило прежде всего науке; вот почему их полотна, которые воспринимаются эмоциональными вибрациями души, в то же время воспринимаются и с высоты рационального Знания. Один-единственный цвет, если он восхищает сердце, соответствует вполне конкретной, точной и научной вибрации, где Числа-Принципы могут найти друг друга.

После всего сказанного мне больше не кажется странным, что существует страна, где традиция Магов, носителей огня, живет в форме скал, на одеждах и в священных ритуалах, один из которых — ритуал окрашенного звука, а грандиозная вибрация Природы упорно напоминают целую эпоху живописи, Великие Люди которой были одержимы теми же самыми знаками, теми же самыми формами, тем же светом, теми же тайнами.

Природа создала танцоров в их кругу, как она создала
маис в его кругу, а знаки — в лесах. ^[22]

Протораса^[23]

Общаясь с тараумара,ходишь в мир ужасно устаревший, анахронический, бросающий вызов нашему времени. Но осмелюсь сказать, что тем хуже для нашего времени, а отнюдь не для тараумара. Так, например, используя термин, который нынче совершенно вышел из употребления, можно сказать, что индейцы тараумара говорят о себе, ощущают себя, считают себя проторасой и доказывают это всеми способами. Сегодня уже никто не знает, что это такое — протораса, и если бы я не увидел тараумара, я думал бы, что за этим выражением скрывается Миф. Но в Сьерре Тараумара многие Великие Античные Мифы вновь становятся действительностью.

Индейцы тараумара не верят в Бога, и в их языке отсутствует слово «Бог», но они поклоняются трансцендентному принципу Природы, который является и Мужским, и Женским началом, *как и должно быть*. И этот принцип они носят на своей голове, как посвященные Фараоны. Да-да, повязка с двумя свисающими концами, которой они перевязывают волосы, говорит о том, что в их крови еще сохраняется сознание высокой естественной избранности, что они ощущают себя — и являются — расой, первоначально связанной с Мужским и Женским началом, над которыми поработала Природа.

Так посвященные китайцы, в полном соответствии с традициями своих предков, носят на спине две косички. А у каменной скульптуры Моисея на лбу видны два рога: правый — для мужского начала, левый — для женского; и некоторые индейцы тараумара ко всему прочему, носят волосы, откиннутые назад, как рога. И все это, вместе со статуями Моисея, напоминает некоторые маски майя или тотонаков, у которых на лбу отмечены две точки, или два углубления, но вытянутые вдоль, как смутное воспоминание о строении окаменевших глаз.

Многие индейцы, то ли потому, что они не хотят говорить, то ли потому, что забыли, что это означает, утверждают, что этот аксессуар — чистая случайность, и повязка служит им только для того, чтобы удерживать волосы. Но я видел, как индейцы шьют свои повязки

таким образом, чтобы два конца обязательно свисали; и, в частности, я видел, как жрецы Пейотля, перед тем как начать свой ритуал, имеющий мужскую и женскую природу одновременно, сбрасывают на землю свои европейские шляпы и надевают повязки с двумя концами, точно хотят показать этим жестом, что вступают в круг Природы с намагниченными полюсами.

У этой расы есть неопровержимое доказательство ее посвящения: тот, кто близок к силам Природы, разделяет ее секреты. Но я бы сказал, что это посвящение — вещь обоюдоострая. Ибо если индейцы тараумара физически очень сильны, как сама Природа, то это не потому, что они живут в прямом, материальном смысле рядом с ней, но потому, что они созданы из той же ткани, что и сама Природа, и, как все настоящие, подлинные проявления Природы, они рождены от первичного замеса.

И я бы сказал, что естественное Бессознательное помогает им преодолевать не только усталость, но и извращение великого принципа, каковым они объясняют наличие физических недостатков. С одной стороны, они демонстрируют свое посвящение знаками, которыми в неудержимом изобилии украшают деревья и скалы, с другой — они открывают его своей телесной мощью, восхитительной выносливостью, презрением к физическим страданиям, боли, болезням.

Бытует ошибочное мнение, что тараумара не знают цивилизации, но нельзя сводить цивилизацию к облегчению физических нагрузок и материальным удобствам, которые народ тараумара всегда презирал.

Потому что, хотя тараумара и не умеют работать с металлами, вооружены лишь копьями и стрелами, пашут землю стволами деревьев и спят в одежде прямо на земле, они, однако, являются носителями самой высокой идеи философского развития Природы. И из этого развития они почерпнули секреты для своей идеи Чисел-Принципов так же, как это сделал Пифагор. Истина состоит в том, что индейцы презирают жизнь своего тела и живут только идеями, то есть пребывают в постоянном, своего рода магическом взаимодействии с высшей жизнью этих идей.

Каждой деревне тараумара предшествует крест, деревня окружена крестами с четырех сторон света. Этот крест — не христианский, не католический, это — крест Человека, распростертого в пространстве,

Человека, раскинувшего руки, невидимого, пригвожденного к четырем сторонам света. Так тараумара демонстрируют подлинную геометрическую идею мира, с которой связана сама форма Человека.

Это означает: здесь — живое геометрическое пространство, оно создало самое лучшее из того, что могло, оно создало Человека.

Камень, который каждый индеец должен под страхом смерти положить к подножию креста, проходя мимо, означает не суеверие, но осознание.

Это означает: ты должен оставить заметку. Учесть. Осознать противоположное силам жизни, ибо без этого осознания ты — мертвец.

Но тараумара не боятся физической смерти: они говорят, что тело создано для того, чтобы исчезнуть; страшатся они смерти духовной, но не в том смысле, в каком страшатся смерти католики, хотя иезуиты и проходили когда-то по их землям.

Индейцы тараумара верят в переселение душ и больше всего боятся утратить своего потустороннего Двойника. Не осознавать того, что происходит — значит рисковать потерять своего Двойника. То есть пропасть в какой-то абстракции за пределами физического пространства, бесплотным человеческим началом скитаться по высшим планетарным сферам.

Для них зло — это не грех. У тараумара не существует греха: зло — это потеря осознания. Ибо высшие философские проблемы больше подходят для тараумара, чем наставления нашей западной нравственности.

Тараумара просто одержимы философией; их одержимость доходит до какого-то физиологического колдовства; они не делают ни одного жеста просто так, жеста, который не имел бы прямого философского значения. Тараумара становятся философами точно так же, как маленький ребенок вырастает и становится мужчиной: они — прирожденные философы.

И повязка с двумя концами на спине означает, что они произошли от первых Мужчины и Женщины; но эта повязка несет еще один очевидный исторический смысл. «Пураны» хранят память о войне, которая произошла между Мужским и Женским началами, и в древности мужчины принимали участие в этом сражении двух противоположных начал. И сторонники Мужского начала подняли над

собой белые флаги, а сторонники Женского — красные; и от этого эзотерического священного красного цвета финикийцы, принадлежавшие к Женской расе, взяли идею пурпура, который потом стали активно производить.

Итак тараумара носят то белую, то красную повязки не для того, чтобы подтвердить двойственность противоположных сил, но чтобы показать, что *внутри* народа тараумара Мужское и Женское начал а. Природы присутствуют одновременно, и что тараумара пользуются их объединенными силами. Таким образом, они носят свою философию на голове, и эта философия объединяет действие противоположных сил в равновесии, почти обожествленном.

Ритуал вождей Атлантиды^[24]

16 сентября, в День Независимости Мексики, в Норогачике, в глубине Сьерры Тараумара, я увидел ритуал вождей Атлантиды, точно такой, как его описал Платон на страницах «Крития». Платон рассказывает о странном ритуале, которому предавались вожди Атлантиды, когда их народ оказался в отчаянном положении.

Сколь ни мифологично существование Атлантиды, Платон описывает атлантов как народ магического происхождения. Индейцы тараумара, которые, по моему мнению, являются прямыми потомками атлантов, продолжают посвящать себя культу магических ритуалов.

Пусть все, кто мне не верит, отправятся в Сьерру Тараумара: они увидят, что в этой стране, где в скалах запечатлены облик и структура сказки, легенда становится реальностью, и не бывает реальности за пределами этой сказки. Я знаю, что существование индейцев не по вкусу сегодняшнему миру; но они существуют, и мы можем путем сравнения заключить, что не индейцы тараумара отстают от современного мира, а наоборот, современная жизнь задерживается в своем развитии по отношению к чему-то.

Тараумара знают, что любой шаг вперед, любое облегчение, даруемое чисто физической цивилизацией, несет в себе потерю, отступление.

Следовательно, вопрос о прогрессе не стоит там, где существует подлинная, настоящая традиция. Истинные традиции не

прогрессируют, ибо они представляют собой высшую точку всякой истины. И единственный возможный прогресс может состоять в том, чтобы сохранить форму и силу этих традиций. В течение многих веков тараумара научились сохранять свою зрелость.

Итак, вернемся к Платону и настоящим эзотерическим традициям, которые иллюстрируют его записки, — в горах Тараумара я видел ритуал его химерических и отчаявшихся вождей.

Платон рассказывает, что на закате вожди собирались вокруг жертвенного быка. И пока одни слуги отрезали у быка кусок за куском, другие подбирали эти куски, а кровь сливали в кубки. Вожди пили эту кровь, хмелели от нее и пели какую-то мрачную мелодию до тех пор, пока на небе не оставалось ничего, кроме диска умирающего солнца, а на земле — головы жертвенного быка. Тогда вожди посыпали свои головы пеплом. И их мрачная мелодия изменяла тон по мере того, как они сжимали свой круг. Любое обращение к солнцу становилось чем-то вроде горького упрека, принимало вид публичного покаяния, напоминало угрызения совести, которые вожди выражали очень согласованно до тех самых пор, пока ночь не наступала окончательно.

Таково содержание ритуала, описанного Платоном. Итак, незадолго до того, как солнце опустилось над Норогачиком, индейцы привели быка на деревенскую площадь и, связав ему ноги, принялись вырезать у него сердце. Свежая кровь собиралась в большие глиняные кувшины. Мне нелегко будет забыть искаженную болью морду быка, когда нож индейца раздирал его внутренности. Танцоры-матташины [\[25\]](#) собрались перед быком и, когда тот наконец умер, начали свои танцы цветов.

Индейцы исполняют танцы цветов, стрекоз, птиц и многие другие перед этой бойней, и это действительно странное зрелище: два индейца поднимаются на мертвого быка, заставляют его кровь бить фонтаном и разделявают его на куски ударами топора, в то время как другие индейцы, одетые вождями, с зеркальными коронами на головах, исполняют там свои танцы стрекоз, птиц, ветра, цветов.

Танцы продолжались до середины ночи.

В танцах матташинов может принимать участие вся деревня; но из вождей — только один в каждый момент танца. Предводители матташинов сменяют друг друга. Каждый танцует в соответствии со своим темпераментом.

В этот день был только один музыкант — он играл на скрипке, сидя на земле. А полный оркестр состоит из гитары, маленького барабана, колокольчиков и железных палочек. Маленький барабан — это военный музыкальный инструмент; его звук перекачивается от одной горной вершины к другой.

У вождей, или ведущих танец, на голове — маленькая зеркальная корона, фартук каменщика треугольной формы и большая прямоугольная накидка на плече. Кроме того, на них специальные штаны, которые заканчиваются треугольниками чуть ниже колена.

Матташин — это не священный ритуал, а светский народный танец, завезенный в Мексику испанцами. Однако тараумара придали ему вид индейского танца, они отметили его своим духом. Даже если вначале эти танцы подражали движениям природы: ветру, деревьям, муравьеду, бегущей реке, у тараумара они приобрели высокий космогонический смысл, и у меня создалось впечатление, что я буквально вижу, как движутся планетарные муравьи по компасу небесной музыки.

Индейцы танцуют под звуки наивной и изысканной музыки, которую не в состоянии воспринять ни одно европейское ухо; кажется, что все время слышен один и тот же звук и повторяется один и тот же ритм. Но через какое-то время начинает казаться, что эти почти одинаковые звуки и повторяющийся ритм пробуждают в нас воспоминание о великом Мифе; они напоминают таинственную и сложную историю.

Ведущий изгибался и принимал различные позы, следуя за ритмом, и его танец подражал шагу крошечного муравья, который передвигался, слегка пошатываясь; танцор складывался, гнулся и наклонялся, подражая беспорядочным движениям чрезмерно раздувшейся лягушки. В правой руке танцор ловко удерживал калекасу, заполненную колечками свернувшихся затвердевших гусениц, плотных, как стекло, а его левая рука играла веером из цветов.

В музыке тараумара совсем немного тактов, и они без конца повторяются. И при каждом новом повторе ведущий покидает свое место, уходит оттуда, где он принимал различные позы, и движется так, чтобы обойти других танцоров.

Эти танцоры разделены на две группы, и каждый по очереди показывает ведущему свое лицо. Он делает это так, словно он — вооруженный всадник, прекрасный античный воин в сияющих доспехах, а затем удаляется в противоположную сторону. После того как ведущий обошел вокруг каждого танцора, он возвращается на свое место, отбивая ритм ногами. На этом один эпизод танца заканчивается. Но затем приходят другие, неистовство начинается сызнова и продолжается всю ночь, от захода солнца до самой зари, и, кажется, танцоры никогда не устают.

Стоя цепочкой, один за другим, слегка касаясь стены — не опираясь спиной о перегородку, но чуть дотрагиваясь до нее то левым боком, то правым, — несколько молодых людей время от времени выпускают леденящий вопль, похожий на звук охотничьего рога, их голоса напоминают тоскливый крик гиены, больного пса или сдавленный хрип петуха.

Вопль не очень продолжительный, но раскатистый: его выпускают по очереди, он как бы переходит от одного к другому почти без пауз, словно живая человеческая гамма, которая в сумраке обретает значение призыва.

Танцуют таким образом до захода солнца, а пока одни танцуют, другие индейцы кусок за куском подбирают тело быка, голову которого они бросили на землю в тот момент, когда диск солнца скатился с неба. Именно тогда ведущие остановились, а танцоры столпились вокруг них. И снова, все вместе, они затянули свою мрачную мелодию. Песню сожалений, религиозного раскаяния, тайного призыва не знаю к каким темным силам, к каким *потусторонним* сущностям.

Потом они уселись перед большим костром, расположенным гораздо дальше, чем предыдущее место, в уголке, защищенном и укрытом, словно сама ночь, так как вторая часть ритуала должна была наглядно показать, что это ритуал тайный, оккультный. В этот момент им принесли свежую кровь, разлитую по бокалам. И танец, который возобновился с самого начала, должен был продлиться всю ночь.

Мясо быка собрали в четыре больших глиняных кувшина, и поверх кувшинов женщины соорудили огромный крест. Все пили горячую кровь и тысячи и тысячи раз снова принимались прыгать, подобно лягушкам. Порой все погружались в сон. Затем начинала

играть скрипка, и танец возобновлялся. И люди, включаясь в танец, время от времени выпускали крик загнанного шакала.

Пусть о моем сравнении думают что угодно. Во всяком случае, поскольку Платон никогда не был в Мексике, а индейцы тараумара никогда его не видели, следует допустить, что идея этого священного ритуала пришла к ним из того же легендарного доисторического источника. Только это я и хочу сказать.

ТЕКСТ, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В "VOILA"

Забытый народ^[26]

На севере Мексики, в сорока восьми часах от Мехико, живет племя чистокровных краснокожих индейцев — тараумара. Сорок тысяч человек живут там, как в допотопные времена. Они — вызов нашему миру, где так много говорят о прогрессе именно потому, что уже оставили всякую надежду на возможность прогресса.

Этот народ, который уже должен был бы физически выродиться, в течение четырехсот лет сопротивляется всему, что пытались его одолеть: цивилизации, смешению с другими расами, войне, зиме, животным, бурям и лесу. Вопреки всем медицинским теориям, они практически не носят одежды — зимой, в горах, засыпанных снегом. Можно сказать, что у них коммунизм, который выражается в чувстве непосредственной, произвольной сплоченности.

Это покажется невероятным, но индейцы тараумара живут так, словно они уже умерли... Они не воспринимают реальность и черпают магические силы из презрения, которое испытывают к цивилизации.

Иногда они приходят в города, побуждаемые каким-то желанием двигаться, чтобы увидеть, как они говорят, *как живут люди, которые обманули сами себя*. Для них жить в городах — это обманываться.

Они приходят вместе с женщинами и детьми по таким непролазным тропам, по которым не всякое животное осмелилось бы пройти.

Наблюдая за тем, как неуклонно они следуют своим путем, пересекая источники, шагая по осыпающемуся склону, сквозь густой кустарник, по скалистым уступам и по отвесным стенам, я не могу удержаться от мысли, что им удалось сохранить силу естественного равновесия первых людей.

На первый взгляд, страна тараумара неприступна. Существует несколько еле заметных тропок, которые через каждые двадцать метров норвят исчезнуть совсем. С наступлением ночи надо останавливаться, если ты не краснокожий. Потому что в это время только краснокожие люди видят, куда надо поставить ногу.

Когда тараумара спускаются в города, они просят милостыню. Поразительным образом. Они останавливаются перед дверьми домов и демонстрируют свой профиль, на котором выражено высочайшее презрение. Кажется, они этим хотят сказать: «Хоть ты и богат, но ты — пес, я лучше тебя, я плюю на тебя».

Подают им или нет, они уходят всегда через определенный промежуток времени. Если им подают, они не благодарят. Так как дать тому, у кого нет ничего, у них считается даже не долгом, это — физический закон взаимоотношений, который белые люди предали. Кажется, их поза говорит: «Исполняя закон, ты делаешь добро самому себе; следовательно, я не должен тебя благодарить».

На деньги, полученные таким образом, они покупают еду на обратную дорогу, потому что в лесах тараумара нет ничего, для чего деньги могли бы пригодиться.

Этому физическому закону взаимоотношений, который мы называем милосердием, индейцы следуют совершенно естественно, не выказывая никакой жалости. Те, у кого ничего нет, потому что пропал урожай, или сгорел маис, или ничего не оставил отец, или по какой-то другой, не важно какой причине, которой никто никогда не будет интересоваться, — эти люди приходят рано утром в дома тех, у кого что-нибудь есть. Хозяйка немедленно выносит им все, что есть в доме. Никто не смотрит — ни тот, который дает, ни тот, который получает. Поев, проситель уходит, никого не благодаря и ни на кого не глядя.

* * *

Вся жизнь тараумара вращается вокруг эротического ритуала Пейотля.

Корневище Пейотля — гермафродит. Известно, что по своей форме оно напоминает и мужские, и женские гениталии.^[27] Вся тайна диких индейцев заключается именно в этом ритуале. Символ его силы,

как мне показалось, — это рапа, изогнутый кусок дерева, покрытый зарубками, по которому целыми ночами колдуны Пейотля ритмично скребут палочками. Но самое странное — это то, как отбираются эти колдуны. В один прекрасный день индеец чувствует, что его *призвали* учиться обращаться с рапой. Он идет за ней в священный уголок гор, где с незапамятных времен спит невероятная коллекция рап, которые были похоронены другими колдунами. Они сделаны из дерева, из дерева теплых земель, как говорят индейцы. Тараумара проведет три года над этой плантацией рап, и по окончании третьего года он возвращается уже знатоком главного ритуала.

Такова жизнь этого странного народа, на который никогда не сможет оказать влияние никакая цивилизация.

Джон Форестер

ДОПОЛНЕНИЕ К «ПУТЕШЕСТВИЮ В СТРАНУ ТАРАУМАРА»

Дополнение к путешествию в страну тараумара^[28]

Человеческое сознание имеет право задавать вопросы, и я, путешествуя по всей земле, задал их себе очень много еще до этого, последнего, где нет больше ни сознания, ни вопроса, — а только лишь невыразимый огонь, единственный, выплескивающий дух Божий каждый раз, когда волнуется Его Сердце.

Ибо для того, кто развивает логику вещей вместе со своим сердцем, наступает момент, когда, словно в танце Пейотля тараумара, любое восприятие, как ткань, рвется крест-накрест, оно трещит так, что уже не знаешь, родился ли этот крест из твоего собственного сердца или из сердца этого Другого, который тогда уже не просто Другой, *какой-то* Другой, а именно Этот, Единственный Раздающий Огонь, язык которого пронзает насквозь и концентрирует вкус Слова, когда сердце, которое бьется, как Двойник, узнает своего СОЗДАТЕЛЯ!

Ибо когда нет ни Бога, ни проблемы, тогда больше нет и сердца, чтобы почувствовать или разорвать восприятие, которое пронзает, и разорваться крест-накрест *самому* прямо посреди восприятия.

И видя, как лгут вокруг меня люди, лгут о том самом, что вызывает к жизни идею, видя, как глупо они отказываются идти вперед, к идеям, я почувствовал, что мне нужно покинуть людей и уйти туда, где я мог бы, наконец, свободно развиваться вместе со своим сердцем, тем сердцем, что перед моим чутким сознанием собирает и очищает волнуемые движения образов, приходящие к нему из окружающего Абсолюта, — пронзающую мой позвоночник плотно сотканную волну, которую сердце гонит к солнечному сплетению судорогой моря.

Я ничего не знаю о том, что собой представляет мое Я. Сознание? ужасное отвращение от Безымянного, плохо задуманного, ибо Я приходит, когда сердце наконец-то его скрутило, выбрало, *вытащило*

из того и этого, против того и *ради* этого, сквозь извечные домыслы ужасного, где все не-я, демоны, осаждают то, что будет мною, моей сущностью, которой, как я постоянно вижу, мне недоставало, пока Бог не вложил в мое сердце свой ключ.

Бога видишь тогда, когда очень хочешь его видеть, а видеть Бога — означает не довольствоваться крошечной частицей земных ощущений, которые созданы только для того, чтобы немного приоткрыть жажду познания самого себя и полного сознания, которое этот мир постоянно убивает и обманывает.

Однажды я оказался далек от Бога, но никогда я не чувствовал себя так далеко от собственного сознания, и я увидел, что без Бога нет ни сознания, ни сущности, и что человек, считающий себя еще живым, никогда больше не сможет вернуться к себе.

Вот так, устремившись к Богу, я нашел племя тараумара.

Высшая идея человеческого сознания и ее всеобщие поручители: Абсолют, Вечность, Бесконечность — еще существуют у этого древнего племени индейцев, которые утверждают, что получили Солнце, чтобы передать его достойным, и сохранили в ритуалах Сигури органичные врата доказательства, благодаря которым наша сущность, отринувшая сонм нечистых, сохраняет связь с потусторонним пространством телесных ощущений, куда напрасно влечет нас Божественное Сердце.

Мне неведомо, сколько всего учений, связанных с посвящением, существует на земле; единственный источник, о котором я знаю, зовется ИИСУС-ХРИСТОС; говорят, что он узнал солнца — с первого до шестого, но говорят также, что мексиканское племя тараумара еще не спустилось с первого, потому что сохранило огненный образ того Источника, который оно называет Сыном Божьим. Однажды, рассказывают жрецы ТУТУГУРИ, Великий Небесный Знахарь появился так, как если бы он родился из открытых уст Солнца, Жаждущего, своего Отца в Вечности. И Он Сам был этим солнцем, и держал в руках Первый Крест, и ударял им; и другие Солнечные Кресты и Двойники Солнц рождались от Него и выходили при каждом Слоге, который эти Уста Небесных Крестов, в жертву свету, запечатлевали в безмерности.

Шесть раз ударял Крест света, и солнца подскакивали в небеса. И последнее было неувядаемым и чистым, таким, как его видят до сих

пор над морем и землями, но вначале даже ночь была обращена в свет, потому что Сын Жаждущего, поднявшись к своему отцу, вновь начал вместе с ним свой путь в Вечности.

Вот истинная История Иисуса-христа, как нам ее передали на первых уроках христианства жившие в катакомбах, и я хочу увидеть, какое же язычество, скрытое священной памятью Ритуалов, открыло племени тараумара в наши дни возможность узнать своего Родоначальника.

Им был показан подлинный отпечаток лица Христа, тот самый, что проступил на плате святой Вероники на пути к Голгофе; и после таинственного совещания жрецы ТУТУГУРИ пришли мне сказать, что таким на самом деле и было его лицо, и что именно таким явился когда-то предкам их отцов Сын Божий.

Во время своих путешествий Знахарь Бесконечности дал им растение, чтобы вновь открыть врата Вечности усталой и измученной душе. Это растение — СИГУРИ.

Ибо душа идет от дня к ночи, как земля; одно только солнце идет от света к свету; для него существует только день, а ночь — это то, что всегда вдали от него. Но кто скажет, что ночь — это когда нет солнца? кто скажет, что когда небеса так плотно затянуты тучами, никакое солнце никогда не сможет их преодолеть? Вот и все, что говорят сегодня люди по поводу того, кого я видел точно так же, как вижу солнце, и в дождливые дни у меня нет сомнений в его существовании! Это Его ждали и оплакивали вместе со мной все те, кого я люблю на этой земле; и они, и я — все мы совершили ни с чем не соизмеримый поворот, словно напав на угасший след звезды еще до того, как эта звезда вспыхнула перед нашими глазами, и мы увидели наконец, что она вспыхнула. И те из моих друзей и братьев, кто видел, как вспыхнуло это солнце, до конца дней своих будет вспоминать об этом и рассказывать, каким прекрасным был тот день. А другие — что ж, они станут слишком похожи на животных, чтобы заслонить Истину.

— Часто бывает, что ночь приносит душе боль, да такую, что душа, измученная соблазнами и уставшая, уже не вполне понимает, откуда она: сверху или снизу, от света или от сумерек. Именно тогда вступает Пейотль, данный Иисусом-христом. Он подхватывает душу сзади и вновь помещает ее в вечный свет, идущий сверху от Духа; и, поддерживая ее там, учит душу различать себя и эту непостижимую

энергию, которая является как бы многосторонней бесконечностью собственных способностей и начинается там, где мы — бесчисленные миллиарды призванных существ, — угасаем и иссякаем.

— Так высоко, как я поднялся в сумеречном состоянии сознания, я никогда не решился бы подняться, по тем или иным очевидным причинам. Между моим я и не-я идет война, которая уже много веков не может прекратиться. Иллюзорность, которую я не люблю, слишком часто, как мне кажется, занимает мое сознание с обольстительной энергией, гораздо более сильной, чем Реальность. Передо мной стояло искушение: быть тем или этим, быть как то или как это, быть как тот или как этот. Вот в чем причина страшной битвы, которую в предчувствии своей Воли и своих Действий я веду со своим не-я. Но кто скажет, на основании чего решил я выбрать свое сознание? Человек видит Добро и Зло, как если бы какая-то сила ему о них говорила, но он никогда не видел себя в Источнике, распределяющем неназванные импульсы, которые побуждают его судить и оказывать предпочтение. Когда человек творит Добро, он считает его превосходным, внушающим доверие и явно более предпочтительным; когда же он совершает Зло, или даже в тот миг, когда он о нем думает, он спрашивает себя, не будет ли ему от этого лучше, и по каким причинам; эти причины словно исчезают из его сознания, и как только Зло их затемнит, Добро является ему как Хорошее, а Зло — как плохое, в то время как Бог, обитавший чуть дальше, чем он полагал, никогда не переставал говорить ему об этом. Но Бог — это тот, кого он никогда не хотел слушать.

— Если принять эту позицию — без интереса к Богу и без проблем, то человек всего-навсего — инертный автомат, генератор скуки и безумия: его полностью покинул разум, а душа, еще чистая, сбежала, потому что она чувствует, как приближается момент, когда этот Автомат породит Зверя, а Зверь — непристойного демона.

Итак, я почувствовал, что мне надо было вновь поднять поток и дотянуться в своем предчувствии до той точки, где я увижу себя развивающимся и *желающим*. И Пейотль меня туда привел. Перенесенный им, я увидел, что то, чем я являюсь, мне следовало защищать еще до рождения, и что мое Я — только следствие битвы, которую я вел в Высшем против лжи плохих идей.

И напрасно какие-то существа мямлили, что все таково, каким кажется, и больше нечего искать; я-то прекрасно вижу, что они потеряли почву под ногами, и что *уже давно они не понимают, что говорят*, потому что сами не знают, куда идти, чтобы вновь достичь состояния, в котором они поднимаются над потоком идей и откуда они берут слова, чтобы говорить.

Вот уже целые века их мыслители, да и они сами, отказались от того почетного усилия, которое следует приложить, чтобы заслужить свое сознание, когда известно, *где* надо его найти и обрести.

— Бессознательное не принадлежит мне, исключая разве что сон, а потом все, что я в нем вижу, и что ведет меня за собой — является ли формой, отмеченной для рождения, или непристойностью, которую я отверг?

Подсознательное — это то, что выявляет предпосылки моей внутренней Воли; но я не очень хорошо знаю, кто в нем царит, и полагаю, что это не я, но поток враждебных Проявлений Воли, поток, который, не знаю почему, думает как я, и у которого нет другого занятия в этом мире и другой идеи, как только занять мое место внутри меня, в моем теле и в моем Я.

Но в Пред-чувствии, Пред-сознании, где их соблазны не дают мне покоя, я вновь вижу все эти дурные проявления воли, но на сей раз я вооружен всем своим сознанием, и когда они обрушиваются на меня, мне это безразлично, ибо теперь я чувствую себя там.

Пейотль удерживает меня в состоянии Пред-сознания, и, поднявшись над человеческим состоянием, я узнаю, где сформировалась моя Воля, и что это за сила, с помощью которой она бросается туда, куда призывает ее Добро, против Зла, которое ее преследует.

Добро и Зло, — говорят жрецы Сигури и позднее повторят Мистики Иисуса-христа, — на этот раз являются не в ощущениях и видениях, но с доказательствами мучеников и опытом их ран, Добро и Зло больше не две противоположные формы материи, не два принципа. Добро — это то, что существует, а Зло — это то, что не существует, что не будет жить, и что прекратится, закончится. Человеческое «Я» никогда в это не поверит. Но человеку необходимо постичь это знание.

Кажется, танец Пейотля первоначально был сентенциозным, нравоучительным, обучающим Ритуалом растения, данного человеку Иисусом-христом, и состоял в том, чтобы пригласить человеческое существо отыскать свое сознание. Потому что без помощи он не может на это решиться.

Душе потребовались тысячелетия доказательств, чтобы узнать, с чем она соглашалась и от чего отказывалась в этом потоке нависающих над ней искушений, где сознание не перестает искупать и рождаться поверх любого образа Чистоты или Греха.

Я живу, и я родился с беспредельным искушением бытия: чем я стану, откуда я, куда я пойду, каким образом, как? И я не знаю, закончу ли я до своего смертного часа выбирать, сражаться, отвергать. Но почему надо, чтобы ко всем моим порывам ко всему чрезмерному, открытому, недостижимому не переставали примешиваться эти домыслы, эти намеки о бесчестии, эти инсинуации мерзкого, гнусного эротизма?

Неужели я никогда не увижу вещи в свете их целомудрия, где они были рождены? Почему к моим чистым попыткам быть и жить присоединяется это грязное стремление существовать только через Грех, и в Грехе?

Современный человек — существо непристойное и нечистое. Он ставит на одну доску низкое и Возвышенное, эротизм и Поэзию.

Однажды я захотел отбросить эту отвратительную зависимость, которая, как я прекрасно чувствовал, исходила не от меня, но была мне навязана дьявольской коалицией существ, которые захватили и осквернили мое сознание, так же, как они разупорядочивают Реальность.

И я увидал, как в горах Мексики над всеми человеческими испытаниями сверкает Великое Кровоточащее Сердце. Поднимаясь, я был словно подхвачен руками моря и увидал себя отброшенным за пределы правильного подобия вещей, я был *выставлен напоказ* таким, каков я на самом деле, самым собой, наконец, в Истине Главного.

По ту сторону Сигури есть завершенность, избыток, избыток удовлетворения.

Но в глубине Сигури и в этом Пылающем Сердце — Образ, в котором я не мог не узнать ИИСУСА-ХРИСТА: восприятие единого

Неизменного, полный Крест, навечно поставленный на Четыре Стороны Света любой Пресыщенности.

С помощью ИИСУСА-ХРИСТА — ПЕЙОТЛЯ я *расслышал* человеческое тело, Селезенку, Печень, Легкие, Мозг, громы и молнии в четырех сторонах Божественной Бесконечности. И узнал, из какой необыкновенной потребности шло их органическое расположение.

Но, оказавшись внутри собственных частей тела, я увидал, как Крест Распятия пронизывает органы, разрывая и заливая их кровью и позволяя человеческому сознанию узнать, посредством этой самой, своей собственной крови, отмели Вечности.

И этот крест объяснил мне, что такое человеческое сознание. С помощью Сигури-креста я увидал, как раздуваются первоначальные прототипы любого состояния и любой формы до такой степени, пока не раздастся ужасный удар, и в тот момент, когда душа человека разрывается на четыре части, к нему приходит мысль, что его душа сейчас погрузится во что-то непрозрачное, вроде тумана, который имеет образ Греха. Ибо находиться в сознании — означает держаться над Грехом. А сознанием имеет право называться лишь то, что никогда не покидало отмели Вечности. За пределами этого человеческое существо будет деградировать так сильно, что когда оно еще будет считать себя живым, Ясновидцы уже заметят, что оно бредит.

Погружаясь в высокие облака вместе с Сигури-Иисусом-христом, я увидал все, что является сознанием и бытием, а под ними, в небытии, тот образ, где униженное сознание человека поверило, что оно формирует сексуальность. Ибо именно она — грех. И прикоснуться к ней — значит убежать от бытия, чтобы угаснуть в бесцельности.

Вот таким образом мой опыт Пейотля извлек меня из состояния бесцельности, и, преодолев спазматический крест, где мое сердце, вспыхнув, преобразилось, я пошел вслед за всем туда, где Дева Вечности поразила меня, а затем отправила обратно, и я вернулся на землю, словно пораженный молнией в своих мыслях.

Разумеется, я не хотел касаться ничего божественного, так как Божественности достигают не путем физического эксперимента, но я понял один из основных Законов, с помощью которых его Сила, передаваясь, установила содержимое Бытия, и оно состояло в Чистоте.

Оставаться целомудренным или погибнуть: я научился этому у тараумара, живущих в горах, однако Зло и их заставило все забыть.

И этот закон не принадлежит лично мне, он создан для всех людей с незапамятных времен и навечно. И я знаю, что его пересмотрят и что теперь он не будет действовать. И что человек, прежде чем уйти из земной жизни, покроется кровавым потом из-за этого Закона.

Что касается Всего Сурового Величия, Бога, которого ничто в мире не в силах искоренить, то его находят не в Ирреальном, а как раз в Реальном, если вне обычного сознания оно держится за свою Реальность. Но Высшая Божественная Реальность — в глубине сердца любого человека, для которого Любовь означает *любить*. Любить сердцем; отдавать, а не брать. То, что чувства делать не могут. И что мир земной жизни исполнить отказался.

Те, кто утверждают, что Бога нет — просто забыли о сердце.

Бесконечная эмульсия сердца — это то, что Зло захотело убить во всех мирах, но в этой эмульсии множество складок, сгустков, составляющих элементов и заговоров, и каждый сгусток является идеей, а идея — состоянием сердца, одушевленным существом, а каждое состояние чувственности — это элемент, исходящий от Бога, а Источник любого элемента — это Дарующее Сердце, Распределитель составляющих элементов бытия, который отдает свою сущность Бытию в Многообразии Форм Бесконечности. И где он мог бы умереть, Тот, которого невозможно убить? Ибо идея постоянно Возрождающегося Бога — это еще Кто-то; и этот кто-то — неисчерпаемо Активный, это тот, кто над любым сном, над любыми грезами поглощает то, что позднее, в наибольшем удалении от Него самого, Он отдаст! Позднее. Тогда, когда сгорит Слово, его Сын, в огне Любви, которая не иссякнет.

На поиски именно этого Бога Вечного Милосердия я отправился на следующий год к ирландцам.

Приложение

У жрецов Сигури есть странная доктрина, которая невероятным образом напоминает учение о Милосердии, вокруг которого двести лет назад было сломано так много копий. Но оно также послужило причиной, что еще хуже, не битвы в виде споров сознания или слов, но подлинной битвы, в те времена, которые последовали за смертью Иисуса-христа. Но они об этом забыли. И однако...

Жрецы Сигури утверждают, что Пейотль дается не всем, и чтобы до него дойти, надо быть *Предназначенным*. Ибо Сигури — Бог, который ревниво относится к своему знанию, и он не желает, чтобы оно было забыто. Итак, состояние, в котором надо пройти Пейотль — это чрезвычайно серьезное помрачение рассудка. Тот, кто, выходя из этого состояния, что-нибудь потерял, больше не имеет права приблизиться к Пейотлю, потому что, не желая того, он будет лгать по Сути. А Суть — это стража Бога.

Но Сигури защищает себя сам, и тот, кто вошел с сознанием недостаточно чистым, вернет все основные части своего сознания Бесконечности, как недостойный их хранить. А что касается нечистого — он останется на пороге. А войти в соприкосновение с Пейотлем с недобрым сознанием — значит подвергнуть себя страшному наказанию.

Заметка о пейотле^[29]

Я получил Пейотль в Мексике, в горах; это была доза, ради которой я остался на два или три дня у тараумара, тогда я думал, что это три самых счастливых дня во всей моей жизни.

Я перестал тосковать, искать оправдание своей жизни и перестал тяготиться необходимостью таскать собственное тело.

Я понял, что придумывал жизнь, что в этом и состояла моя обязанность и смысл моего бытия, и что я тосковал потому, что у меня не хватало воображения, а пейотль мне его дал.

Какое-то существо приблизилось и заставило пейотль внезапно выйти из меня.

Я буквально рассыпался на кусочки, и труп человека был порван в клочки и найден где-то в таком виде.

rai da kanka da kum

a kum da na kum vönoh

Зная, что сей мир не является изнанкой ка-кого-то иного, и в еще меньшей степени — его половиной, я знаю также, что этот мир — реальный механизм, для которого я — лишь рычажок управления, это настоящий завод, ключ от которого — новорожденный смех.

**sana tafan tana
tanaf tamafts bai**

ПИСЬМА

Жану Полану

Париж, 4 февраля 1937 г. [\[30\]](#)

Дорогой друг!

Как только я оказался в самом сердце гор Тараумара, я словно физически почувствовал, что меня охватывают смутные, неясные воспоминания, но настолько сильные, что, казалось, это были мои личные непосредственные впечатления; все это — жизнь земли и травы внизу, изрезанность гор, особые формы скал, и, в особенности, рассеянный свет, который, словно облака мельчайшей пыли, уступами поднимался к бесконечной перспективе вершин, где одни следуют за другими, всегда более удаленными, отступая все дальше и дальше, на невообразимое расстояние, — все казалось мне уже пережитым однажды, уже прошедшим через меня, и это не было открытием странного, но нового мира. Все это не было новым. Однако впечатление дежа-вю довольно неопределенно, то есть как бы не имеет конкретной даты, мое же впечатление было определенно прекрасно, потому что этот органический опыт пережитого напоминал мне другой, с которым я чувствовал себя связанным, возможно, косвенным образом, но вполне материальными нитями. Это были воспоминания об истории, которые возвращались ко мне скала за скалой, травинка за травинкой, горизонт за горизонтом. Я не придумал появление Волхвов: оно было мне скрупулезно внушено страной, созданной подобно странам в живописи, которые, конечно же, не приходят из ничего. Я не верю в абсолютное воображение, т. е. когда создают что-нибудь из ничего, я также не верю в мысленный образ, который мне представляется оторвавшейся частью действующего образа, обитающего где-то отдельно. И, в свою очередь, эти огромные, необитаемые картины воскресили в моей памяти другие, которые были когда-то населены, и мне показалось, что это их жизнь выставлена напоказ в несколько необычном плане; это не я придумал

традицию рисования магических знаков, горы были усеяны ими — это факт; я постарался зарисовать, камень за камнем, все изображения этих знаков в одной из статей, которые вам отправил^[31] и, в конечном счете, к концу путешествия мне казалось, что удалось зарисовать их все: начиная с /, которая разрывается на // прерванные в середине перекладиной —, со стоящей перед этой перекладиной прямой, которая выводит из нее **H**; и я не виноват, если эта форма H, которая, кажется, получается в результате, является центральным планом, по которому, как говорил Платон, атланты строили свои города: это ребячество, если угодно, но это существует и в горах Тараумара, и у Платона; я видел скалу, по которой проходят три вертикальные борозды, 3, а на ней — другая скала, поменьше, на которой только одна борозда; я видел огромный зубец фаллической формы, о котором я вам уже говорил, у него на вершине стоят 3 камня, а на лицевой стороне — 4 отверстия; я увидел очертание человеческой головы в круглом отверстии, пробитом в скале, и в это отверстие точно вписывается диск восходящего солнца, а ниже — тело человека, продолженное в *виде теней*: его вытянутая правая рука была образована игрой света, а левая, также вытянутая, образована *теньями* и согнута; я видел фигуру смерти, словно *вырванную* из окружающих скал, и в огромной левой руке она держала маленького ребенка; я не рассказываю обо всех виденных мной образах и подобиях, которые изображали забытую фауну: казалось, они напоминают тысячелетние мифы, где *прирученный* человек беседует с покорившими его Царствами; и если знак всемирного сообщества евреев — два наложенных друг на друга треугольника, то знак сообщества народов, относящихся к краснокожей расе, — два противостоящих треугольника, соединенные идеальной прямой; сотни раз я видел на скалах этот знак, словно извлеченный из природы не знаю какой поразительной случайностью; на деревьях — запечатленный даже рукой человека; и повсюду, где я находил этот знаменитый знак **H**, H творения, — я видел эти образования как бы вышедшими, *вырванными* из деревьев, которые были обожжены сверху донизу, чтобы высвободить их образы, я видел фигуры мужчины и женщины, которые стояли лицом друг к другу, и член мужчины был поднят; сколько раз еще мне встречался маленький мир этой страны, представленный в виде круга, а вокруг этого круга — гораздо больший

круг нескончаемой Вселенной; сколько раз я находил крест, характерный для общества розенкрейцеров: 4 треугольника, ориентированные по 4 сторонам света и собранные в центре вокруг единой точки; я видел этот знак! И что я могу поделаться, если он соответствует форме креста розенкрейцеров, и этот символ повторялся тысячи и тысячи раз и не только в Природе, но и на деревянных дверях домов, на стенах, под крышами; я видел дома, фасады которых соответствовали друг другу рисунком квадратов и точек, а иногда прямоугольниками, стоящими один над другим, словно были добавлены один к другому; и там, в горах, мне сказали, что эти разбросанные геометрические фигуры были не разбросаны, а *собранны*, и что они составляли Знаки языка, основанного на самой форме дыхания, когда оно производит звуки; в основе всемирной магии — все те же знаки, которые я заметил в природе гор, и без этих знаков обладающих ореолом мест, населенных духами. Романистам и поэтам нужно было гораздо меньше, чтобы обнаружить и наполнить подробностями мифы, которые были порождены единственно их воображением; я же, рассказывая о своем путешествии, не претендую на то, что опишу его в виде докторской диссертации, найду путь к достоверной традиции и представлю доказательства, чтобы все это подтвердить; пусть выводят из всех моих встреч какие угодно заключения, — это не имеет значения; и так же мало меня волнует, верят ли в то, что Волхвы, чтобы вернуться домой, сделали крюк по необитаемым горам Мексики; но я знаю, что, поднявшись туда и увидев бесконечный пейзаж, раскинувшийся на многое километры, я почувствовал, как сильно восторжались во мне смутные воспоминания и необычные образы, но мне пришлось уйти оттуда, так их и не разгадав. И после того, как я увидел в этих испещренных фигурами горах больше образов, чем изображено божеств на стенах некоторых храмов Индии, увидел, как проходят люди в повязках или закутанные в плащи, с вышитыми на одеждах треугольниками, крестами, точками, кругами, каплями и блестками; и эти кресты, точки, круги, прямоугольники, капли и блестящие поперечные полосы вовсе не были разбросаны симметрично, как декоративные украшения, — я ни разу не увидел двух плащей, содержащих одни и те же знаки, и каждый из них соответствовал стилю и цвету лица человека, который его носил; видя, как идут эти люди, совсем ничего

не знающие о символизме, в котором, кажется, купается их жизнь, я не смог поверить, что это все было результатом расчета или каких-то их изысканий, какой-то осознанной и пробужденной преднамеренности; по их словам, они делали все это потому, что так делали их отцы, и я спрашивал себя, куда, от отца к отцу, этот обычай мог бы восходить; самый непытливый ум задался бы вопросом, следами чего все это было, и какую надчеловеческую традицию означало присутствие этих следов.

Зеленый и желтый: не это ли цвета, противоположные смерти; зеленый — для воскресения, желтый — для разложения, упадка, и если совпадения что-нибудь означают, то позвольте мне, в заключение, упомянуть один факт, который я хотел бы довести до вашего сведения.

К вечеру я добрался до одной из тех деревушек, над которыми возвышаются фаллосы с вырезанными на них изображениями, и кажется, что эти фаллосы поставлены здесь по какому-то капризу природы; кто-то, я не знаю кто, насвистывал мелодию танца племени тараумара, в 5 очень высоких, даже пронзительных тактов, которые затем скатывались вдруг на сотню ступеней, как если бы в ответ звучал голос из глубокой ямы; к нам приблизился ребенок, он шел один, под его серой накидкой не было никакой одежды, а лицо его было буквально изъедено гноем: по лбу тянулись какие-то зеленоватые линии, напоминающие рисунок вен; он жадно пожирал куски, которые ему протягивали, держась, однако, на почтительном расстоянии; я разглядел на лицевой стороне накидки красный треугольник с углом, направленным вверх, и когда он повернулся, я увидел на его спине каплю, огромную вышитую каплю, которая занимала всю высоту накидки; кончик наверху загибался влево; образ, который он у меня вызвал, привел меня в замешательство; я даже постарался притормозить свое воображение, всегда такое быстрое; однако не могу сказать, что я не думал об образе, который представился мне в эту минуту, и эта фантазия, повторяю, заставит вас также пожать плечами: я подумал о FIAT LUX^[32] Бога, и о форме, которую Роберт Фладд в своем «Театре Вечной Мудрости» придает первоначальному движению творенья;^[33] эта капля, такой изогнутый пузырь — точно так он изображает свет, который, выходя из пустоты, понемногу изгибается и окружает сумерки, идя им на смену; одинокая, простая капля — может быть, еще ничего, но красная капля с красным

треугольником — это уже странное сочетание; прошло несколько недель с тех пор, как я проник в самое сердце гор, я увидел жрецов Пейотля, которые, уединившись, целыми ночами растирали на своих рапах смесь исходных ингредиентов; и я отправился в обратный путь.

Я проезжал через деревню, где стоял фаллос, и около полудня попросил пристанища в убогой хижине: из нее вышел индеец, закутанный в большую накидку, несмотря на жару и зной. Пересекая горы, я уже встречал эти странные накидки, но на этой были четыре белых, как бы сжатых с боков треугольника, которые занимали всю его высоту; края были украшены цепочкой крестов, зеленых с одной стороны и желтых с другой, эти кресты состояли из 4 треугольников, о которых я уже сказал; индеец приветствовал нас без слов, медленной, но умной улыбкой; а его жена уже спешила к нам. Пока она раскладывала маис и травы, я рассмотрел ее и был поражен накладной косой, привязанной к ее собственным волосам; по всей длине косы попеременно проходили то зеленая, то желтая нити тех же самых цветов, что и кресты; на ней были зеленые бусы, а в ушах — серьги с желтыми камнями; в хижине с криками и визгом возились ребятишки, и я увидел, как из нее вышел мальчик с огромным животом и усыпанным нарывами губами, а за ним — другой мальчик, в котором я узнал ребенка в серой накидке, с вышитыми треугольником и каплей; я не увидел ничего необычного внутри дома, если не считать креста, стоящего в углу: его вершиной было острие пики, а перекладины сделаны в форме трилистника. В ответ на все наши расспросы индеец сохранял великолепное молчание.

Дорогой друг, я хотел только повторить то, что я видел, не делая даже попытки извлечь из этого какие-либо выводы или заключения; вы видите, что факты и предметы говорят сами за себя и, без сомнения, сильнее, чем я мог бы заставить их говорить в каком-либо смысле. Может быть, мне доставит удовольствие когда-нибудь снова поговорить об этом, или я буду говорить без удовольствия о мире, куда я однажды вошел и где все вокруг погружало меня в грезы, и у меня сложилось впечатление, что многое из существующего в настоящее время выиграло бы, если бы оказалось в том мире. Не ради живописных видов я возвращался бы к этому путешествию, но чтобы снова ощутить силу их воздействия.

От всего сердца —

Антонен Арто

Я предпочел бы, чтобы вы мне сказали, что вам не нравится именно оккультная сторона; однако в тех потемках, которыми окутываются современная поэзия и язык, гораздо меньше идей, чем во всем этом.

Теперь я *в значительной степени* придерживаюсь идеи 3 Волхвов, которых находят у истока множества основополагающих историй и всего предания целиком. Моя статья не перегружена, она чрезвычайно сжата и немногословна для той огромной темы, которую я хотел осветить. Но я еще не закончил свою работу: я вернусь к ней иначе, в другом месте; в настоящий момент оставим все так, как вы предлагаете.^[34]

Сердечные пожелания,
ваш Антонен Арто

Жану Полану

Суббота, 13 марта 1937 г.^[35]

Дорогой друг!

Я вам пишу из недр ужасного, но *необходимого* смятения. В общем-то, вы меня СПАСЛИ.^[36] Теперь не только интуитивно, а, можно сказать, математически точно *я знаю*, какими именно Путями творятся необычайные вещи, доказательством чему было пришествие.

Я начал писать «Танец Пейотля»^[37] до того, как поступил сюда, но был не в состоянии его закончить. И только ТЕПЕРЬ я *смутно ощущаю*, что я хотел сказать, и что так далеко от того, что я писал до поступления;- наконец, что такое я, в то время как все остальное из этого — не более чем карикатура, за редкими исключениями!!! Письмо с кучей деталей, которое я вам написал, не представляет ли собой, хотя бы частично, одно из таких просветлений, и нельзя ли что-нибудь из него добавить к Путешествию? В частности, где я говорю о ребенке, покрытом гнойниками.^[38] Мне кажется, это возможно.

А что об этом думаете вы?

Я не прошу вас писать мне: по выходе я навещу вас.

Сердечно ваш -
Антонен Арто

Жану Полану

13 марта 1937 г.

Дорогой друг!

Вот одна из первых работ, которой я занялся после выхода из лечебницы.

Я уже давно хотел написать обобщающую статью о состоянии астрологии на данный момент. Сообщение, о котором я говорю в статье, предоставляет мне такую возможность (в качестве настроения этого месяца?), потому что она актуальна.

Очень надеюсь, что вы сможете посодействовать, чтобы она была напечатана в апреле. [\[39\]](#)

Вы увидите, что это серьезная статья, основанная на документальном материале, и в ней, как мне кажется, я вновь обрел свой собственный стиль. Я посылаю вам также 1-ю часть «Танца Пейотля» в другом конверте.

Искренне ваш,
Антонен Арто.

Жану Полану

[Париж,] 28 марта 1937

Дорогой друг!

Вот НАКОНЕЦ последняя часть Танца Пейотля.

Есть еще общее заключение, но я считаю, что для «Отрывков», которые должны появиться в «Обзрении», этого достаточно. Поскольку это только Отрывки из «ПУТЕШЕСТВИЯ В СТРАНУ ТАРАУМАРА».

И потом, это бы бесконечно удлинило мой текст, и в таком виде он бы просто повторял «Страну Волхвов», так что я это отменил. [\[40\]](#)

Теперь у вас есть все целиком — можете выносить приговор.

Весь этот «Танец Пейотля» был *переписан* в том состоянии духа и в настроении, в котором я исправил, наконец, «Меченую гору»,^[41] которая вам так понравилась.

Я надеюсь и очень хочу, чтобы этот «Танец», в том виде, в каком он сейчас у вас, вам также понравился. В любом случае постарайтесь ответить как можно быстрее, чтобы успокоить меня. Но на этот раз *прямо* скажите, что вы об этом думаете.

Что до меня, то я рассказал в этом «Танце» только о том, что видел, и рассказал это строго по порядку. Так же последовательно я описал свои собственные впечатления. Следовательно, здесь нет ни одного произвольного или предвзятого утверждения и нет ничего немотивированного, есть только одно таинство: то, что в нем проявляется, — всего лишь оболочка, намекающая на возможность сказать нечто иное, бесконечно более важное и *абсолютно* важное само по себе. И это мне кажется значительным, основополагающим. Оно появится в моей книге, полностью посвященной путешествию, и *не могу сомневаться*, дорогой Жан Полан, говорю тебе это со всей верой, убежденностью и искренностью, — оно сопровождалось *Невидимым*, так же, как вся моя жизнь сопровождается в настоящее время, я чувствую это. Вот почему эти Отрывки кажутся мне важным Введением в действие, которое произойдет вскоре, как только я снова обрету свои силы в их недрах, и почему я держусь сейчас за то, что, кажется, должно произойти не позднее *конца Весны*, чтобы действительно быть тем, чем оно является, открытием по поводу других вещей.

Простите мне эти недоговоренности.

Вы не можете понять, до какой степени это правда и как я вам признателен за ваше двойное вмешательство^[42] в происходящее вокруг этого.

Сердечно ваш -
Антонен Арто.

Жану Полану

13 апреля 1937 г.^[43]

Дорогой друг,

От вас нет новостей. Признаюсь, что мне не терпится наконец увидеть Путешествие опубликованным. Вы не получили мое последнее, длинное письмо, которое дает все уточнения по поводу состояния духа, в котором был написан «Целительный танец Пейотля»? Я очень надеюсь, что этот текст вам понравится полностью и позволит увидеть то, что я хотел туда вложить — и что для меня очень важно.

Я получил гранки книги «Театр и его двойник». Я настаиваю на том, чтобы Предисловие было набрано курсивом. Впрочем, я *его переписываю*.^[44] Не могли бы вы также отыскать варианты, которые я вам отослал в письме с текстами и которые не фигурируют в гранках, которые мне прислали.^[45]

Итак, до скорой встречи, дружески ваш
Антонен Арто.

Жану Полану

[Париж, 27 или 28 марта] 1937 г.^[46]

Дорогой друг,

Видите, под каким странным знаком проходит моя Судьба и вся моя жизнь.

Все — вокруг планов женитьбы. И это верно!

Я не создан для сделок с совестью — каковы бы ни были уловки, коими я мог бы надеяться их спасти. Вот так.

Моя судьба жестока, ибо готовит меня, *я знаю*, для цели еще более жестокой. И ВСКОРЕ^[47] я буду подготовлен.

Ваш друг,

Антонен Арто.

P. S. — Я решил *не подписывать* «Путешествие в страну Тараумара». Мое имя должно исчезнуть.

Жану Полану

[Париж, начало июня] 1937 г.^[48]

Дорогой друг,

Не надо даже инициалов. Вспомните. «Переписка с Ривьером» появилась с 3 звездочками,^[49] и из всего, что я написал, может быть, это единственное, что останется. После истекших 13 лет можно сказать, что я возвращаюсь к той же точке, но круг, который я сделал — спираль: он меня привел на более высокий уровень.

Такого рода признание есть в «Танце Пейотля», правда на сей раз *допускается*, что подобные муки могут испытывать абсолютно все. Даже инициалы ограничи бы воздействие. Прошу вас о последнем одолжении — совсем убрать, ликвидировать все, что напоминало бы мое имя. Многих очень волнует то, что я делаю. Напоминание о моем имени их разочаровало бы, и *меня* разочаровало бы. В недалеком будущем я умру или окажусь в такой ситуации, где не буду нуждаться в имени. Итак, я рассчитываю на вас в отношении 3 звездочек.

Ваш друг,

Антонен Арто.

Жану Полану

[Париж, конец июня] 1937 г.^[50]

Дорогой друг,

Меня смогут узнать те, кто знают меня, но много ли их? Те, кто видят меня и с кем я говорю, тоже будут знать меня. Ибо я еще здесь.

Что во всем этом важно, так это подтверждение анонимности, а не то, что я скрываюсь от тех, кто меня всегда видел, и есть те, кто меня

никогда не видел и никогда меня не узнает, и через десять лет, или через шесть месяцев, возможно, это будут все.

Я ни за что не хочу больше подписываться и навсегда остаюсь вашим другом.

Антонен Арто.

Анри Паризо

Родез, 10 декабря 1943 г^[51]

Дорогой господин Паризо,

я написал книгу «Путешествие в Мексику», основной частью которой является «Путешествие в страну Тараумара». Текст «Путешествия в страну Тараумара» представляет собой законченное целое. Что касается «Путешествия в Мексику», то в полном объеме это книга в 200 страниц или больше, над которой я работал восемь месяцев, с ноября 1936, даты моего возвращения из Мексики, до августа 1937, времени моего отъезда в Ирландию, и все-таки книга не совсем закончена.

С сентября 1937 года до сегодняшнего дня со мной произошло много всего: я был арестован и заключен в тюрьму в Дублине, депортирован во Францию, интернирован в Гавре, перевезен из Гавра в Руан, из Руана в <лечебницу> Святой Анны в Париже, из Святой Анны в Виль-Эврар, из Виль-Эврара в Шезаль-Бенуа, и из Шезаль-Бенуа в Родез. Все мои вещи забрали в полиции, и все мои рукописи потеряны.

У меня не осталось абсолютно ничего из вещей, которые у меня были: некоторое количество рукописей в портфеле и, что особенно важно, маленький кинжал толедской работы, 12 сантиметров длиной, связанный с тремя рыболовными крючками, этот кинжал был мне подарен одним негром с Кубы. Управляющий дублинской тюрьмой, мистер Сото, сам вернул мне все мои вещи. Даже в Гавре, где со мной нарочно плохо обращались, этот кинжал был мне возвращен вместе с ножнами из красной кожи, в которых он хранился. Мой портфель еще был со мной в Святой Анне, коричневый портфель из крокодиловой

кожи, с моими инициалами, а также маленькие ножны из красной кожи со священным кинжалом, предметом, который знаком всем Посвященным, но я не знаю, что со всем этим произошло после Виль-Эврара. Что касается бумаг, документов и рукописей, я потерял их след, как только ступил на французскую землю. И чтобы написать заново «Путешествие в Мексику» и закончить его, мне понадобился бы теперь примерно год. Впрочем, атмосфера заключения в психиатрическую лечебницу не очень годится для такого вида работы. Чтобы писать, надо быть свободным. Тем не менее, я попытаюсь добавить несколько страниц к «Путешествию в страну Тараумара». Доктор Фердь-ер, который мне советует это, поможет создать все необходимые условия. Это единственный врач за шесть лет моего заключения, который попытался хоть сколько-нибудь смягчить условия моего пребывания здесь по мере своих сил.

Еще одно, в чем я уверен — именно в Шезаль-Бенуа мне не были возвращены маленькие ножны из красной кожи с толедским кинжалом.

Что касается моих рукописей, то в последний раз я видел их, *выходя* из тюрьмы в Дублине. Далее их след теряется.

Кроме того, мы живем в эпоху испытаний и несчастий, и я не могу работать, когда в течение трех лет мне недостает хлеба.

Но, повторяю вам, я сделаю усилие, чтобы одолеть все эти препятствия, и я специально молюсь Иисусу Христу об этом, ибо именно в Нем была причина моего Путешествия в Мексику, и именно Его, Глагол Божий, обожают тараумара, как я смог это уяснить в Ритуале *Тутугури*, который происходит точно во время восхода Солнца.

Когда индейцам показали два изображения Лица Христа, они сами узнали его и сказали мне об этом. Первое изображение было на Плате святой Вероники, второе — на Образке из другого момента Его Страстей. И там Его Истинное Лицо великолепно узнаваемо. Жреческий класс Индейских Служителей Солнца рассматривает себя как земную эманацию его Добродетели и Силы, а каждого жреца — как идентификацию одного из его Лучей. И нужно видеть, с каким бездумным рвением все жрецы простираются ниц именно в такие мгновения, когда для индейского сознания мрак ночи озаряется вечно свободным солнечным лучом. Нужно видеть, как каждый жрец на

месте, которое он умеет выбрать, воспроизводит вместе с другими жрецами, своими братьями, необыкновенное распределение этих лучей. Но в особенности надо слышать слова, как бы пересылаемые ими от одного к другому и сопровождаемые знаками, похожими на обрывки лимба самой Вечности и созданными, чтобы поддерживать и демонстрировать что-то, и это что-то — Дух Глагола, который перекачивается, словно пылающий шар, перед устами Господа Бога, чьей Волей и отражением, как они помнят, Тара-Умара^[52] были и остаются, — так они говорят.

Но в этот момент они все начинают рыдать, потому что, как они мне сказали: «Мы все были ангелами Воли Божьей, т. е. Лучами, а теперь мы уже почти потеряли это, потому что Зло слишком глубоко проникло в нас. Борьба между Злом и Богом еще не закончилась, и чтобы пришло Царство Божье на землю, надо быть невинным. Мы стараемся, насколько это возможно. Но люди на всей земле уже совсем не такие. И для них настал момент вернуться к полной невинности. Потому что все создано солнцем и создано таким, как оно, и все сделано вот так», — сказали мне эти жрецы, делая жесты и принимая позы, характерные для Религиозного Танца, самого необыкновенного из всех, которые я когда-либо видел.

Среди этих знаков было Крестное Знамение, такое, как его делают католики, а также бесконечное множество других жестов.

Все это я уже рассказывал в своих рукописях и попытаюсь на днях написать заново.^[53]

В ожидании этого примите мои самые теплые чувства и наилучшие пожелания.

Антонен Арто.

Психиатрическая больница,

1, ул. Вье-Санс,

Родез,

Авейрон.

P. S. — Передайте мои наилучшие пожелания Роберу Годе, которого все это особенно интересует.

Доктору Гастону Фердьеру

Родез, 11 декабря 1943 г. ^[54]

Дорогой доктор и дорогой друг,

Я написал Жану Полану, чтобы он прислал мне один экземпляр «Нувель Ревю Франсэз» за август 1937, где напечатано «Путешествие в страну Тараумара», чтобы пересмотреть его в плане стиля и, таким образом, присоединить к остальному, ибо окончание рукописи «Путешествия в Мексику» потеряно. Впрочем, «Путешествие в страну Тараумара» — полное, такое, как оно напечатано в НРФ. Дополнительный текст, о котором вам говорил Анри Паризо, на самом деле относится к «Путешествию в Мексику» и представляет собой рукопись объемом около двухсот страниц, написанных в Париже между ноябрем 1936 г., датой моего возвращения из Мексики, и августом 1937, моим отъездом в Ирландию. Вы знаете, что я был брошен в тюрьму в Дублине, провел там 6 дней, затем депортирован во Францию, безо всяких объяснений был сразу же интернирован в Гавре, как только ступил на французскую землю, и, безо всякого медицинского освидетельствования, перевезен из Гавра в Руан, из Руана в Святую Анну, из Святой Анны в Виль-Эврар, из Виль-Эврара в Шезаль-Бенуа, и, наконец, из Шезаль-Бенуа попал сюда. Все мои вещи были со мной, и я не знаю, куда они пропали, потому что в последний раз я их видел при *выходе* из тюрьмы в Дублине, где управляющий Сото сам передал их мне из рук в руки. Чтобы заново написать «Путешествие в Мексику» и полностью его закончить, мне потребуется теперь около года. Потому что к рукописи в 200 страниц, написанной в Париже между ноябрем 1936 и июнем 1937, ^[55] нужно добавить еще около пятидесяти страниц, чтобы довести работу до конца. И есть одно обстоятельство, которое вы понимаете так же хорошо, как я, поскольку вы всегда делали все, чтобы смягчить мое заточение: чтобы писать, надо быть свободным. То, что я потерял, было не для всех, но я хочу добавить несколько страниц к «Путешествию в страну Тараумара», потому что индейские Жрецы Солнца, которые исполняют Ритуал *Тутугури*, дали мне на своем жреческом собрании некоторые объяснения, о которых я не сказал в тексте, вышедшем в НРФ, и я собираюсь о них написать.

«Земля вращается, — говорят они, — но это солнце движется и увлекает ее за собой. А они, жрецы *Тутугури*, являются Лучами Солнца, приходящими каждое утро подтолкнуть землю, чтобы заставить ее вращаться и двигаться вперед. И надо видеть, как они прыгают и рассыпаются по четырем сторонам света в тот самый миг, когда появляется солнце, и бросаются затем на землю, в точности повторяя его лучи. Потому что, как жрецы индейского сознания, они отвечают за эти лучи и для лучей надо выкопать углубление в сумерках пространства. Говорят, что из преданий и инстинктивно они знают, где должно пройти Солнце, чтобы человеческая душа стала счастливой, и Он сам однажды сказал это их отцам, еще до того, как появился человек».

Тогда я их спросил, что же представляли собой их отцы, если человек еще не был создан.

«Наши отцы, — ответили мне, — были его самыми близкими лучами, не созданными, но рожденными. Первыми слогами Слова Божьего. А Солнце — это и есть то Слово, его Глагол, наконец».

Итак, Глагол Божий — это Иисус-христос для христиан, Его Сын. Тогда индейским жрецам показали репродукцию Плата святой Вероники, на котором был запечатлен образ Иисуса-христа. Они с почтением приблизились и долго его разглядывали, затем собрались вместе и с необычайным оживлением принялись совещаться. Я не слышал их разговор, но видел, как они дрожат и опускаются на колени, при этом правой рукой делая знак, который был не чем иным, как все тем же Крестным Знаменем. Впрочем, вы должны помнить, что круглая площадка, предназначенная для Ритуала *Тутугури*, с восточной стороны была ограничена шестью деревянными крестами.

Наконец они поднялись, подошли ко мне и сказали, что Образ, который был запечатлен на Плате святой Вероники, был, бесспорно, образом Духа, который руководил ими, т. е. Образом Иисуса-христа.

Это откровение в свое время очень обрадовало Анри Гуарана, французского посланника в Мексике, когда я рассказал ему об этом по возвращении в Мехико.

И только после этого я смог присутствовать при всех других танцах тараумара и, в частности, при Танце Пейотля, называемого «Сигури», ибо Жрецы *Тутугури* с помощью знаков передали необходимые распоряжения всем своим.

И для управления этим Духом они мне дали указания, чрезвычайно замысловатые, а чтобы мне легче было понять, нарисовали посохами на земле знаки, которые находят на всех пирамидах Мексики и из которых я узнал два или три, потому что уже видел их на Пирамиде Тенайука, или Пирамиде Змей, стоящей у самых ворот Мехико.

Вот то, что я хотел бы добавить к моему «Путешествию в страну Тараумара».

Дорогой друг, примите мою признательность за то, что вы не перестаете поддерживать меня в моих трудах.

От всего сердца ваш -

Антонен Арто

КОММЕНТАРИИ

Тексты, которые собраны под общим названием «Племя Тараумара», охватывают период почти в двенадцать лет, потому что глава «Меченая Гора» была написана в Мексике примерно в октябре 1936 года, а «Тутугури» — 12 февраля 1948, то есть почти за месяц до смерти Антонена Арто. «Ритуал Пейотля у индейцев тараумара», написанный в Родезе в конце 1943 года, появился в журнале Марка Барбеза только в 1947 г. Тем временем в коллекции «Золотой Век» (издательство «Фонтэн»), в сентябре 1945 вышла книга «Путешествие в страну тараумара». В мае 1947, когда только что вышел номер журнала «Арбалет», в котором были напечатаны «Ритуал Пейотля у тараумара» и «Шалтай-бол-тай, антиграмматическое покушение на Льюиса Кэрролла» (переложение главы VI «Алисы в зазеркалье»), Антонен Арто предлагает Марку Барбеза выпустить некоторые из этих текстов в виде брошюр. Цикл «Тараумара» он представлял себе в виде трех брошюр:

1. «В стране индейцев тараумара»;
2. «Ритуал Пейотля»;
3. «Ритуал Солнца» (этот текст еще только планировался).

10 июня Марк Барбеза сделал контрпредложение: вместо нескольких брошюр издать одну книгу, где будут собраны все тексты, относящиеся к племени тараумара. Эта идея понравилась Антонену Арто, и 22 июня 1947 года он подписал с Марком Барбеза договор на издание книги, название которой будет уточнено позднее и в которую войдут следующие главы: «Меченая Гора», «Ритуал Солнца», «Танец Пейотля», «Ритуал Пейотля». Арто предполагал, что издание будет иллюстрированным, т. к. одной из статей договора было оговорено, что он передает издателю книгу для иллюстрации.

Только в октябре 1947 года Антонен Арто пишет «Ритуал Солнца», главу, которую он называет в то время «Тутугури, Ритуал черного Солнца». Он сразу же посылает ее Марку Барбеза, но этот первый вариант был включен в радиопостановку «Покончить с божьим судом» (см. примеч. 16). 12 февраля 1948 г. Арто пишет второй

вариант «Тутугури», который он посылает своему издателю вместо предыдущего.

По словам Марка Барбеза, решение поставить «Ритуал Пейотля у тараумара» в начале книги принадлежит Антонену Арто, также как и общее название «Тараумара». Расстановка текстов в книге, безусловно, нарушает хронологию, но Антонена Арто больше беспокоило соотношение текстов между собой и, возможно, он хотел, чтобы его первоначальный текст 1936-37 гг. оказался как бы в рамке текстов, написанных в Родезе или по выходе из него. После того, как он расположил тексты для книги «Театр и его Двойник», его заботил порядок более важный, чем последовательность дат.

Впрочем, публикация «Тараумара» была осуществлена значительно позднее, и книга вышла в издательстве Марка Барбеза «Арбалет» только 20 ноября 1955 г.

Все красные строки в этом тексте соответствуют оригиналу.

---

notes

Примечания

1

Премьера написанной и поставленной Арто трагедии "Семья Ченчи " состоялась в мае 1935 года в Париже. (Прим. перев.).

Пейотль — род растений семейства кактусовых — лофофора Уильямса. В его стебле и корне содержатся алкалоиды, вызывающие зрительные и слуховые галлюцинации. (Прим. перев.).

«Ритуал пейотля...» впервые напечатан в № 12 ж. «Арбалет» (весна 1947 г.).

С момента первого издания этой работы она дополняется публикацией текстов, хранившимися у доктора Фердьера, и письмами Антонена Арто к доктору: «Новости из Родеза» («Галлимар», 1977 г.), издательству «Галлимар» передается первоначальная рукопись «Ритуала Пейотля у индейцев племени тараумара», содержащая детали, которые позволяют точнее определить время написания текста и в новом свете показать обстоятельства его редактирования и первой публикации. В рукописи 39 страниц, из которых первые девятнадцать — собственно текст, а десять последних, начиная с «У меня тоже возникали ложные чувства...» — являются письмом, адресованным доктору Фердьеру, которого автор хотел познакомить с текстом.

Мы знаем, что текст был написан в первый год пребывания автора в Родезе. Он должен был дополнить «Путешествие в страну тараумара» и содержит несколько страниц, которые Антонен Арто написал, чтобы ответить на вопросы Анри Паризо (см. письмо от 10 декабря 1943), но не отослал. Вероятно, он не считал себя вправе свободно ими распоряжаться, не испросив разрешения доктора Фердьера, и текст хранился в секретариате лечебницы с пометкой на обороте: «Доктору Фердьеру от Антонена Арто».

Текст «Ритуала Пейотля у индейцев тараумара» был передан доктором Фердьером Марку Барбеза в начале 1947 г., ему была отправлена копия, напечатанная служащим психиатрической больницы. С этого документа были набраны гранки, переданные Антонену Арто в марте 1947 г. Для этого текста характерны использование заглавных букв и искажения в терминологии христианских таинств и христианской метафизики, от влияния которых, впрочем, автор отрекается в «Постскриптуме». В эти гранки были внесены значительные исправления, основной задачей которых было уничтожение христианского духа. Кроме того, Антонен Арто частично убрал то, что напоминало письмо доктору Фердьеру, а в сохранившихся отрывках просил ликвидировать все, что относилось к

членам его семьи или к медицинскому персоналу, от которого он зависел. Издание 1955 г. было пересмотрено по этим гранкам, которые редактировал сам автор. В свое время он записывал в тетради некоторые изменения, которые хотел внести при пересмотре, и были найдены его пометки с указаниями на отрывки, к которым они относились.

Последняя фраза этого параграфа — вставка, сделанная в 1947 г., хотя сам текст датируется 1943-44 гг. Начиная с 1945 г., когда Антонен Арто старается порвать с любым напоминанием о религиозности, он пишет *бог* с маленькой буквы вполне сознательно.

Хочу сказать, что когда эти размышления возвращаются, чтобы утвердиться в моих мыслях, САМ Пейотль противится этим зловонным усвоениям духовности, ибо Мистика никогда не была только лишь смесью заумного и рафинированного ханжества, против которого всецело восстает Пейотль, так как с нею ЧЕЛОВЕК, безнадежно пиликающий музыку своего скелета, одинок: у него нет отца, матери, семьи, любви, бога и общества.

И никого рядом. А скелет — это не кости, но шкура, словно кожа, которая шагает И идет она от равноденствия к солнцестоянию, подчиняя себе свою человечность.

Последний раздел датируется 1947 г. Он заменяет окончание письма-комментария к доктору Фердьеру.

«Постскриптум» на самом деле состоит из фрагментов двух писем. Дата 10 марта 1947, напечатанная в «Арбалете» и относящаяся к обоим этим отрывкам, на самом деле относится к ответу Антонена Арто на письмо к Марку Барбеза, который только что получил от доктора Фердьера бандероль с «Ритуалом пейотля у индейцев тараумара» и переводом шестой главы «Алисы в зазеркалье», которые он собирался опубликовать в ближайшем номере своего журнала.

Второй фрагмент взят из письма к Марку Барбеза от 23 марта 1947.

«Путешествие в страну тараумара» появилось в «Нувель Ревю Франсэз» (№ 287, 1 августа 1937 г.), когда Антонен Арто готовился к путешествию в Ирландию. В соответствии с его пожеланием, имя было заменено тремя звездочками (см. письма к Жану Полану). Книга «Путешествие в страну тараумара» состояла тогда из двух частей: «Меченая гора» и «Танец Пейотля».

В конце 1943 г. издатель Робер Годе вел переговоры с Антоненом Арто по поводу издания этого текста в виде иллюстрированной брошюры. Иллюстрировать книгу должен был Фредерик Деланглад, с которым Антонен Арто встречался в Родезе у доктора Фердьера.

Как свидетельствует письмо Антонена Арто (10.12.1943), Анри Паризо был посредником в этом проекте, и именно ему было направлено «Дополнение к путешествию в страну тараумара» во второй половине января 1944 г. Похоже, что работа еще не началась к 5 января, когда Арто просит Жана Полана прислать ему номер «Нувель Ревю Франсэз» с текстом «Путешествия».

Дело затянулось, и 6 июля 1945 г. Анри Паризо, который руководил изданием коллекции «Золотой Век» в издательстве «Фонтэн», предложил Антонену Арто опубликовать «Путешествие» в этой коллекции. Он добавил, что у него есть тексты «Путешествия» и «Дополнения к путешествию» и что рукопись сразу же пойдет в печать. Но в июле 1945 г. Антонен Арто окончательно порывает со всякой религией и не желает публиковать «Дополнения», полагая, что они пропитаны затхлым духом христианства, увлечение которым он позднее припишет воздействию электрошока в начале пребывания в Родезе.

«Меченая гора» была написана в Мексике, возможно, в то время, когда Антонен Арто находился у индейцев тараумара, выполняя свою миссию, для которой, по словам Луиса Кардоза-и-Арагона, при поддержке Университета Мехико, ему удалось получить кредит отделения Изыщных Искусств. В своих примечаниях к книге «Мексика» (издание Независимого государственного университета Мехико 1962 г.), в которой он собрал все тексты Арто, опубликованные в мексиканской прессе, Луис Кардоза-и-Арагон указывает, что Арто отправился в Сьерру Тараумара в конце августа 1936 г. Оставался он там, вероятно, до начала октября, потому что 7 октября он был еще в Чиуауа, откуда отправил письмо Жану Полану. Сразу после возвращения в Мехико, 16 октября 1936 г., текст был опубликован в ежедневной газете *El Nacional* на испанском языке.

В своем предисловии к книге «Жизнь и смерть Сатаны Огня» (1953), С. Берна указывает, что среди бумаг, которые он обнаружил на чердаке дома на улице Висконти, находилась рукопись, озаглавленная «Гора, полная знаков». Вероятно, эти документы Арто оставил у Сесиль Шрамм после их разрыва в мае 1937 г., и, к несчастью, некоторые из них уже были выброшены старьевщиком при очистке чердаков. Там была также машинописная копия того же самого текста с исправлениями, сделанными рукой Антонена Арто, а также пометками Жала Полана, которые обычно делаются перед тем, как отдать материал в печать.

Была ли эта рукопись прислана Жану Полану из Мексики, или же передана ему сразу же по возвращении Антонена Арто в Париж, именно она прошла через кабинеты «Нувель ревю Франсэз» и была возвращена ему вместе с гранками текста, предназначенного для публикации. Безо всякого сомнения, это именно те гранки, которые правил Антонен Арто и о которых он говорит в письме Жану Полану от 28 марта 1937 г.

Испанский текст, опубликованный в *El Nacional* — перевод рукописного варианта — был озаглавлен так:

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ТАРАУМАРА ГОРА, ПОЛНАЯ ЗНАКОВ

Кроме того, слева, над заголовком, Антонен Арто написал: «Первая глава», а перед подписью, пометил: «продолжение следует». Основные разночтения по черновым вариантам приводятся далее.

8 В рукописи: «И эта Природа хотела думать, как Человек. Как она способствовала эволюции людей, точно так же она способствовала эволюции скал. Все верования индейцев тараумара их страна несет на своем лице.

Эти люди, которые считаются далекими от цивилизации, грязные, не имеющие самых элементарных понятий о гигиене, необходимой для человеческого тела, — поражают высоким уровнем своей культуры, достигнутым в духовном плане.

Холод, сумерки, голод, страх, небытие — вот, быть может, первые чувства, с которыми сталкивается рождающийся Человек.

Но каждый раз, когда Человек в течение Истории человечества хотел объяснить Небытие, он делал это сходным образом. Все Великие Религии, если углубиться в них, теряют свой религиозный характер, освобождаются от своей святой «ауры», которая, как утверждают, составляет их непостижимые тайны, и появляется еще одна научная идея. В Каббале существует...»

В рукописи: «Наука также дает числа: 2, 5, 3, 4, 7, 12, - когда она объясняет, какому ритму подчиняются атомы материи, чтобы принять формы различных тел. В естественной организации материи эти числа являются Первоначальными Числами, и если Метафизика существует, искать ее следует в этих числах. Я хочу сказать, что, освобождаясь от старого божественного духа, который страстно желает поставить себя надо всем, чтобы объяснить этим бытие, в основе всего надо почувствовать: *до того*, как их тела и физическая жизнь были образованы, таинственная вибрация этих Чисел, их тайный ритм объясняют рождение Реальности.

Следовательно, всякая подлинная культура всегда знала этот секрет и стремилась показать его через образы, лица, внешний вид. У далеких от цивилизации индейцев тараумара эти образы лежат в основе их мышления.

Я видел, как двадцать раз повторяется одна и та же скала, бросающая на землю две тени, видел одну и ту же голову животного, которое несет в пасти свое изображение. И скалу в форме женского бюста с прекрасно очерченной линией груди; видел тот же огромный фаллический зубец с тремя камнями на вершине и четырьмя отверстиями спереди; и я видел, что все эти формы понемногу переходят в реальность».

В рукописи: «...или выточенные. Грандиозные понятия всплывают в моей памяти: Розенкрейцеры, Рыцари Круглого Стола, Мистический Путь Грааля. И я начинаю думать...»

В рукописи: «...что легенда о Граале появляется задолго до образования общества Розенкрейцеров».

Письма к Жану Полану от 27 февраля, 13 и 28 марта 1937 г. подтверждают, что «Танец пейотля» был написан в Париже, после возвращения Арто из Мексики.

В постскрипуме к письму Жану Полану от 4 февраля 1937 г. Арто просит не публиковать «Страну волхвов» в «Нувель Ревю Франсэз» и добавляет, что он намерен ее переписать. Однако этот отрывок «Танца пейотля» содержит одну из главных идей «Страны волхвов».

По письмам, которыми обменялись Анри Паризо и Антонен Арто, не похоже, что гранки этого письма были отправлены в Родез, чтобы Арто их вычитал. Благодаря одному коллекционеру, который приобрел подлинник документа, мы смогли сравнить его с примечанием на сопроводительной записке, опубликованной в коллекции «Золотой Век».

В верхней части листа на первой странице письма, слева, Антонен Арто пометил: «Письмо для публикации», затем идут дата, имя и адрес: Анри Паризо, 140, ул. Орлеана, Париж, XIV.

В основном примечании к тексту «Путешествие в страну тараумара» мы указали, что 6 июля 1945 г. Анри Паризо предложил Арто опубликовать текст в его коллекции и попросил прислать ответ с обратной почтой. Более чем вероятно, что Антонен Арто, обеспокоенный отсрочками Робера Годе, ответил сразу же. Однако 28 августа 1945 г. Анри Паризо еще не получил ответа от Арто, потому что он ему написал: «Вы не ответили на вопрос моего последнего письма: можете ли вы дать мне текст «Путешествия в страну тараумара», который, по-видимому, перестал интересовать Годе?»

На это письмо от 28 августа Арто ответил 7 сентября 1945 г., указав, что он не только написал дважды, давая свое согласие на публикацию, но он еще и добавил к одному из этих писем третье письмо, чтобы опубликовать его вместо Приложения.

По всей видимости, эти письма были либо потеряны, либо задержаны и не сразу отправлены канцелярией лечебницы Родеза.

По контракту, подписанному 22 июня 1947 г., Антонен Арто обязывался предоставить Марку Барбеза, помимо текстов, уже опубликованных в коллекции «Золотой Век» и в 12-м номере «Арбалета», текст, озаглавленный «Ритуал Солнца».

В конце октября 1947 г. Антонен Арто пишет стихотворение «Тутугури. Ритуал черного солнца».

В это время к нему обратились с просьбой сделать передачу для французского радио, и он подумал, что это стихотворение могло бы стать частью текста передачи. Перед тем как отправить этот текст, он продиктовал его Марку Барбеза именно с этим намерением. Поскольку это была передача для радио, ничто не мешало стихотворению появиться вместе с другими текстами «Тараумары». Но передача «Покончить с божьим судом» была запрещена. Издатель предложил Антонену Арто опубликовать текст полностью, и 12 февраля 1948 г. контракт был подписан. «Тутугури, ритуал черного солнца» составлял неотъемлемую часть «Покончить с божьим судом» и, следовательно, не мог быть опубликован вместе с текстами «Тараумары». Итак, 16 февраля 1948 г. Антонен Арто отправил Марку Барбеза письмо, в котором, в частности, писал:

Парижский издательский дом просит у меня текст моей радиопередачи, где фигурирует «Тутугури».

Я дал им его.

Но для вас я пишу новый текст «Тутугури», чтобы ПРИСОЕДИНИТЬ его к ритуалу Пейотля.

Прошу вас, не ищите его в моих прежних текстах и, самое главное, не сожалейте о них.

Новый «Тутугури», который я написал для вас, утяжелен кровавым опытом, который я извещал в 1936 г.

Этот опыт заключается в том, что я перенес три приступа и меня нашли плавающим в собственной крови, в целой луже собственной крови, и именно отсюда идет «Тутугури».

Письмо заканчивается второй версией «Тутугури».

Незадолго до отъезда из Мексики Антонен Арто опубликовал в местной газете *El Nacional* четыре текста — очерки о его путешествии в страну тараумара. Эти тексты, в их испанском переводе, были затем заботами Луиса Кардоза-и-Арагона, перепечатаны в «Мексике» (издании Независимого государственного университета Мехико, 1962 г.)

Первый из этих текстов, «Меченая гора», был помещен Арто в начале «Путешествия в страну тараумара». Три других: «Страна Волхвов», «Протораса» и «Ритуал вождей Атлантиды». Оригинал текста «Ритуала вождей Атлантиды» найден не был.

Текст появился на испанском языке 24 октября 1936 г. в *El National*.

Авторская рукопись была обнаружена Сержем Берна, который, желая ее продать, встретился с Марком Барбеза, занимавшимся в то время подготовкой к изданию текстов Тарау-мары.

В первый раз этот текст в своей оригинальной версии был опубликован, с разрешения Марка Барбеза, в издании «Ле летр нувель» (№ 1, март 1953 г.), затем Сержем Берна он был включен в сборник «Жизнь и смерть Сатаны Огня» (1953 г.).

На одном из листков рукописи стоит штамп газеты *El National* и дата — 6 окт. 1936. Эта деталь, а также пометка внизу «Продолжение следует» на последних страницах рукописей «Меченая гора» и «Страна Волхвов» доказывают, что во время своего путешествия Антонен Арто выполнял обязанности собственного корреспондента газеты и отправил эти два текста по почте, поскольку 6 октября он еще находился в Чиуауа.

Фраза написана на обороте седьмой страницы «Страны волхвов».

Текст опубликован в *El National* на испанском языке 17 ноября 1936 г. после отъезда Антонена Арто из Мексики. 31 октября он отплыл на пароходе «Мексика», который обслуживал линию Веракрус — Сен-Назер.

Среди бумаг, обнаруженных г-ном Берна, находилась перепечатанная на машинке копия французского оригинала.

На первой странице рукописи рукой Антонена Арто написано: 3-я глава. Несколько пометок, сделанных его рукой, относятся к знакам препинания.

«Протораса» в первый раз была опубликована как продолжение «Страны Волхвов» в журнале «Ле Летр нувель» (№ 1, март 1953 г.), затем включена Сержем Берна в «Жизнь и смерть Сатаны Огня».

Текст впервые появился в *El Nacional* на испанском языке 9 ноября 1936 г. уже после того, как Антонен Арто покинул Мексику. Перепечатан Луисом Кардозой-и-Арагоном в сборнике «Мексика» в 1962 г. Французский оригинал этого текста до сих пор не найден, обратный перевод выполнен Мари Дезон и Филиппом Соллерсом.

Слово «матташин», которое Арто применяет для обозначения и самого ритуала, и того, кто его исполняет, можно перевести как «название танцоров, которые надевают нагрудники, позолоченные шишаки, колокольчики на ноги и держат в руках шпагу со щитом». *Matachines* на испанском языке означает также «забойщик скота, убийца, мясник» и здесь обозначает тех, кто исполняет ритуал, в котором большую роль играет разделка бычьей туши.

Текст был опубликован в еженедельнике «Voila» (№ 354, 31 декабря 1937 г.) за подписью Джона Форестера. В 1932 г. Арто опубликовал «Галапагосы, острова на краю мира» в этом еженедельнике, директор которого, Флоран Фель, охотно шел навстречу писателям, щедро оплачивая их статьи. Статье предшествует редакционная пометка: «От нашего собственного корреспондента в Северной Америке», кроме того, ее сопровождал фоторепортаж. Впрочем, это были не фотографии индейцев тараумара, а просто снимки индейцев. Воспроизведены они были и на обложке, где «Забытый народ» преподносился как главная статья недели. Не исключено, что статья была опубликована с купюрами.

Можно предположить, что Арто написал этот текст ради заработка — или по возвращении из Мексики, когда его материальное положение было довольно шатким, или перед отъездом в Ирландию, в июле 1937 г. Подпись «Джон Форестер» была дежурной, которая использовалась для статей, которые авторы не хотели подписывать. Возможно, Антонен Арто, который не хотел подписывать ни «Путешествие в страну тараумара», ни «Новые откровения Бытия», сказал Флорану Фелю, что эту статью он тоже хочет публиковать без подписи. Однако следует заметить, что она появилась 31 декабря 1937 г., когда Арто был выслан из Ирландии на пароходе «Вашингтон» и насильно задержан, когда судно прибыло в Гавр, 30 декабря. В конце декабря 1937 г. он был переведен в психиатрическую больницу в Соттевиль-ле-Руан.

В этом разделе многие фразы напоминают «Танец Пейотля».

Этот текст Арто, как следует из его писем, хотел исключить из своей работы, но он был сохранен Анри Паризо, который передал его копию Марку Барбеза, когда тот занимался подготовкой к изданию текстов «Тараумары». Однако именно этот текст имел в виду Антонен Арто, когда просил своего издателя не искать его в старых текстах. (Его начало, до параграфа 2 включительно, было опубликовано в журнале эзотерико-ориенталистского направления — *Pralaya*, 20 октября 1948 г.) Тем не менее, «Дополнение» было опубликовано в «Тараумаре» (1955), но поскольку Арто выразил пожелание не публиковать его, мы поместили его в конец данной книги.

Дополнение к «Путешествию в страну тараумара» датировано январем 1944 г. Также как для других текстов и писем этого периода, здесь характерно использование заглавных букв для выделения некоторых слов.

Заметка составлена в мае 1947 г. во время публикации «Ритуала Пейотля у индейцев тараумара» в «Арбалете» (№ 12, 1947).

Это письмо, которое скорее представляет собой дополнительный текст к Путешествию, чем просто письмо, впервые было опубликовано в «Нувель Ревю Франсэз» (№ 95, 1 ноября 1960 г.), а затем добавлено в книгу «Тараумара» при ее переиздании в 1963 г.

«Меченая гора».

Да будет, свет (лат.)

Роберт Фладд (Robert Fludd), 1574–1637.

В его работе под названием *Utriusque Cosmi majoris et minoris Historia* (1619) приводится схематическое изображение создания мира, на которое ссылается Арто. Эта схема часто воспроизводится в работах оккультистов и каббалистов.

Речь идет, безусловно, о «Стране волхвов», отправленной Жану Полану либо из Мехико, либо переданной вместе с «Меченой горой» и «Проторасой» уже в Париже. Все эти тексты, по настоянию Жана Полана, не должны были публиковаться вместе с «Путешествием в страну тараумара» в том же номере «Нувель Ревю Франсэз» в августе 1937 г.

Антонен Арто прошел первый курс лечения от наркозависимости во Французском центре медицины и хирургии, находившемся в Париже (ул. Буало, 12) с 25 февраля по 4 марта 1937 г., затем, поскольку результат не был достигнут, второй курс в клинике Со с 14 по 29 апреля 1937 г. Это письмо, безусловно, написано на улице Буало.

Жану Полану пришлось предпринимать необходимые шаги, чтобы Антонена Арто приняли в учреждение на улице Буало, и оплатить курс лечения из своего кармана.

Косвенное указание на то, что «Танец Пейотля» был написан только после возвращения Арто в Париж.

Письмо от 4 февраля 1937 г.

Этот текст не найден. Копия ответа Жана Полана, которую он хранил вместе с письмом, дает нам некоторые сведения о нем:

Вторник

Дорогой друг,

Не думаю, что мог бы сохранить настроение астрологического месяца.

Это очень долго для настроения месяца. Потом, мне хотелось бы понять это точнее, быть уверенным: ведь вы говорите суверенностью о том, что остается очень неясным, неопределенным. Точно ли, что когда-то существовала наука Астрология? Недостаточно доказывать это одним словом «Центилоквиум» *. И что собой представляют все эти «Посвященные Астрологи»? Я немного смущен этим призывом к авторитету (чьему?). Мне кажется, что тема, которую вы мне предлагаете, потребовала бы более длительного и более детального изучения.

Ваш друг.

*«Центилоквиум» («Книга плодов») — астрологическое сочинение псевдо-Птолемея.

Подтверждение, что вариант, предложенный Жаном Поланом — действительно отделить «Страну Волхвов» от той части «Путешествия», которая должна быть напечатана в «Нувель Ревю Франсэз».

Действительно существуют два варианта этого текста: «Меченая гора», опубликованная в августовском номере «Нувель Ревю Франсэз» в 1937 г., и «Гора, полная знаков», которая была прислана из Мехико Жану Полану и напечатана на испанском языке в *El Nacional* 16 октября 1936 г. Сравнение показывает, что Антонен Арто значительно переработал текст после возвращения в Париж.

В 1937 году Жан Полан дважды серьезно помог Антонену Арто: в первый раз, обратившись с просьбой о помощи в «Писательский Фонд» (срочная помощь в сумме 600 франков была предоставлена 28 января 1937 г.), и второй — урегулировав вопрос с расходами на курс лечения от наркозависимости в клинике на ул. Буало.

Письмо, написанное во время второго курса лечения.

Первый вариант Предисловия к книге «Театр и его Двойник»: «Театр и Культура», был опубликован в журнале «Бэт нуар» (Bete noire, № 5, 1 октября 1935 г.).

Намек на первый параграф «Театра Жестокости» (Первый Манифест) и на последнюю часть «Вокруг матери».

Без даты, но, вероятно, написано в тот же день (самое позднее — на следующий), что и письмо к Андре Бретону, датированное 27 мая 1937 г., в котором Антонен Арто сообщает о разрыве с Сесиль Шрамм и крушении всех надежд на женитьбу.

Это слово подчеркнуто семь раз.

Без даты, но Жан Полан наверняка сразу же ответил на предыдущее письмо, предложив вместо подписи поставить хотя бы инициалы в тексте, который должен был появиться в «Нувель Ревю Франсэз». В свою очередь, Арто тоже должен был ответить очень быстро. Так что вполне вероятно, что это письмо было написано в начале июня 1937 г.

«Переписка с Жаком Ривьером» сначала появилась в «Нувель Ревю Франсэз» (№ 132, 1 сентября 1924 г.) подзаголовком «Переписка». На обложке, там, где обычно указывается имя автора, действительно стояли три звездочки, но сами письма были подписаны инициалами Ривьера и Арто.

Письмо без даты. Наверху листа написано: «Ле Селект»/99, бульвар Монпарнас, угол ул. Вавен, Париж, VI. Еще раз Антонен Арто говорит о своем решении не подписываться, но речь может идти и о «Новых откровениях Бытия», которые должны были появиться 28 июля, и о «Путешествии в страну тараумара». Стало быть, это письмо можно более или менее уверенно датировать концом июня 1937 г.

Предположительно в начале октября 1943 г. издатель Робер Годе встретился с Антоненом Арто, чтобы переговорить о возможности выпуска в виде иллюстрированной брошюры «Путешествия в страну тараумара», опубликованного в «Нувель Ревю Франсэз».

11 октября Антонен Арто попросил Жана Полана передать ему несколько экземпляров этого номера. Очевидно, Анри Паризо должен был в это время сотрудничать с Робером Годе, и вполне вероятно, что именно он должен был написать в начале декабря Антонену Арто, чтобы обсудить этот проект, потому что Арто отвечает ему 10 декабря, написав накануне Жану Полану: «Вы окажете мне большую услугу, если сразу по получении этого письма отправите мне 2–3 экземпляра августовского номера НРФ с моим «Путешествием в страну тараумара». Парижский издатель Робер Годе только что предложил мне издать ее отдельной книжкой, и я думаю, что вы не будете возражать».

Анри Паризо передал перепечатанную копию этого письма Марку Барбеза, и оно было включено в книгу «Тараумара» (издательство «Арбалет», 1955 г.).

Так в рукописи. На языке науатль «тараумара» означает бегущего человека (от *tara* — нога и *huma* — бегун). Но разделяя это имя таким образом на две части, Антонен Арто, вероятно, хотел напомнить знаменитое историческое поселение, почти мифическое, Тага, место пребывания Верховных вождей Ирландии. *Humaras* напоминает будущее время глагола *humer* (нюхать) — *humeras*. Не стоит пренебрегать также словом на санскрите — *tara*, значения которого: звезда, светило, зрачок.

Следует отметить, что «Дополнение к путешествию» в это время еще не было написано.

Письмо, впервые опубликованное в «Новых записках из Родеза».

В письме от 10 декабря 1943 г. к Анри Паризо, как и в этом, Антонен Арто указывает, что написал «Путешествие в Мексику» между ноябрем 1936 г. и августом 1937 г. Вероятно, в июне 1937 г. он завершил работу над частью, предназначенной для публикации в «Нувель Ревю Франсэз» в августе.